

1

Самый неповторимый, долгожданный момент — когда сбывается мечта. Почему-то многие грезят о недоступном. Для кого-то заветный и желанный день радости — это переехать от тесноты и проблем в свой дом, желательно на Лазурном берегу, подальше от нашей “правды жизни”. Ещё нужны счёт в банке, дорогие машины, прекрасные женщины. Несбыточно и банально, конечно, но и люди в массе своей предсказуемы, и даже в мечтах скучны до зевоты. Романтиков мало, да и они так же сходят с ума в поисках гармонии, настоящей любви и прочих химер... Я как-то вывел простую формулу, что мечты и есть первопричина внутренней пустоты, тоски и одиночества. Бывает, люди разменивают четвёртый или пятый десяток, а всё доверчиво чего-то ждут от завтрашнего дня, не понимая, что мир предсказуем с тех пор, как был создан. В любом случае, решил я, уж если заложена в человеке “функция мечты”, так надо верить и ждать того, что может стать реальностью. С простой и внятной мечтой есть шанс ощутить сладость обретения желаемого, и тогда живёшь, чувствуя, что взял за руку хорошее настроение и постепенно ведёшь его в своё завтра.

Потому и захотелось мне не заоблачного счастья или богатства, а просто... своей дачи на берегу “воронежского моря”, недалеко от санатория имени Горького. Больше пяти лет откладывал деньги, долго просматривал объявления, лишь бы найти то, что нужно. И вот сбылось!

Кто знает это место, рассмеётся: и это... мечта? Невзрачные, выцветшие домики-скворечники стоят один к одному, их поджигают новостройки “успешных” воронежцев, одним словом — яблоку упасть негде. Нет ни участков, ни простора, никакой возможности побыть без посторонних глаз. Да и шумные электрички, что проносятся днём и ночью, — разве это отдых?

Ну и пусть! Мне участок ни к чему. Моё детство пришлось на девяностые годы, когда люди месяцами не видели денег от государства. Отец работал на шинном заводе, и зарплату выдавали покрышками, которые он с трудом продавал на трассе, чтобы купить нам молока и хлеба. Потом родители приобрели дом-развалюху с огромным заросшим участком в глухой деревне, решили выращивать на продажу овощи. И я каждое лето помогал отвоёвывать у канадского клёна сотку за соткой, а затем торговал картошкой на Невском рынке. У моих тогдашних друзей были летние каникулы, долгие и праздные, а у меня — посадка, прополка, уборка, базар. Так что в деревню меня теперь не заманишь.

Есть и ещё одна причина покупки домика в этом районе, хотя о ней можно сказать: “Ну, это уже лирика!” Да, пусть лирика. Именно здесь была дача дяди Гены, и все годы, сколько помню себя, я любил приезжать к нему. Когда на душе скопилось муть, надоела компания или расстался с очередной подружкой, на сердце и в голове пусто, тошно и не хочется ничего... в такие минуты общение с мудрым дядей стало отдушиной. Я приезжал вечером, мы снимали цепь с лодки, выплывали и рыбачили, а потом до темноты сидели в уютной беседке, обвитой необычайно раскидистым, но редко дававшим урожай виноградом, пили его “авторскую” настойку — совсем немного, закусывали окрошкой, и говорили, говорили. Вернее, больше слушал я. Дядя, сводный брат моего отца, родился в тридцать восьмом и пережил войну ребёнком. Помню его рассказы, как в деревню пришли немцы и венгры, как убивали людей... Говорил он и о себе, делился переживаниями о жизни, иногда — о своих детях, особенно о сыне, — да, в общем-то, о многом. Но даже не смысл слов, а только его спокойный, хриплый от многолетнего курения голос уже помогал мне, будто вымывал из меня суету и глупости. Слушая его и откидываясь на скамье, я смотрел, как дотлевают очередные день, и хвалил себя — как же прав, что приехал сюда, побыл с дядей, а не с пафосными сверстниками. К сожалению, мне всегда не везло с друзьями. И дядя Гена был единственным моим настоящим другом.

Глядя, как он сидит, — седой, в старенькой выцветшей “гавайской” рубашке с пальмами, — как говорит не спеша, иногда слегка помахивая пустой ложкой, я понимал: хочу быть похожим на него, мне нужно научиться жить вот так, размеренно и мудро. Не завтра научиться, не к его годам, а именно сейчас. Но понимал, что у меня вряд ли получится.

Не забыть мне и предзакатных минут, когда дядя будил меня излюбленной фразой: “Вставай, сэр!” В сумерках, не завтракая, а лишь хлебнув кофе, мы шли к лодке, укладывали снасти. Я налегал на вёсла, глядя, как над водохранилищем медленно рассеивается туман, и в дымке едва различимы стоящие на воде столбы электропередач, далёкий пляж, храм, левобережные высотки. Дядя Гена знал ориентиры, указывал мне, каким веслом сильнее загребать, а потом командовал остановиться. Рыбалка была для него таинством, он пусть без излишней строгости, но всё же требовал соблюдать правила — нельзя было не только шуметь, но и разговаривать, приподниматься. Он выбирал неглубокие места, и потому каждое колебание могло спугнуть крупную рыбу. А ловил дядя очень хороших карасей, таких, что и поверить нельзя: в нашей огромной воронежской “луже” водятся такие красавцы! Но в последние годы он слабел и даже не брал своих удочек, а только сопровождал меня, молча курил, с какой-то особенной, щемящей грустью встречая холодные рассветы сентября.

Теперь я всё чаще вспоминаю эти дни. Дядя Гена умер в затяжную, дождливую ноябрьскую ночь. Перед этим его долго и медленно съедала болезнь, а я, как это обычно и бывает, всё время был занят и никак не мог заехать, поговорить, проститься с ним — некогда, дела, задания. Не верилось, что он умрёт. Думал, вот на новогодние каникулы у меня наконец-то будет возможность, мы спокойно посидим с дядей. Какие посиделки! Ничего уже быть не могло, надо было спешить, ехать, побывать у кровати, и потому не нахожу себе оправдания. Помню только последний телефонный разговор. “Ну, ты как?” — спросил его. “Иду ко дну”, — ответил старый рыбак.

С уходом дяди Гены для меня осиротело это место на берегу. Я приехал в середине марта на его дачу и, сидя в оббитой сухими стеблями продуваемой беседке, почему-то ждал, что вот-вот он выйдет из домика, на ходу застёгивая молнию, или, может, поднимется с другой стороны, захрустит ногами по жухлой траве и скажет: “Ну, здравствуй, сэр”. Его не было. Ни с одного пути, ни с другого. И не было никого в эти дни рядом...

Домик дяди Гены продал его сын, и, казалось бы, времена, проведённые здесь, навсегда стали прошлым, и мне закрыт к ним путь. Нет! Это место — часть меня. Тогда и закралось в сердце желание — скопить деньги на дачу.

И вот я купил домик! Его продал мужчина лет сорока пяти, молчаливый, с лысым и широким лбом. Мне почему-то лезало, что он — инженер-технар. Обычный такой, увидишь лицо — и забудешь сразу. Я решил, он чем-то опечален или раздражён, но вовсе не тем, что расстаётся с домиком. Может быть, эта продажа стала для него вынужденной — я мог выстраивать сколько угодно версий, но говорить со мной о чём-либо, кроме дела, он не собирался. Претензий к домику-“скворечнику” у меня не было — узкий, двухэтажный, со старой мебелью, что я ещё мог желать за свои деньги? Оформление бумаг тоже стало для хозяина наказанием, но мы выдержали очередь и расстались, почему-то не пожав рук. Вернее, он быстро растаял, как только мы поставили подписи, завершив сделку. Но я на всякий случай сохранил в памяти телефона его номер и имя — Михаил Звягинцев. Уже в день покупки я быстро забыл о нём — поехал на работу, были встречи, пресс-конференции, открытие выставки, митинг дольщиков и прочая ерунда. А вечером меня ждал...

Свой дом, пусть дачный, неказистый, с покатой шиферной крышей, но свой! Я оставил машину там же, на парковке у железной дороги, как если бы приехал к дяде. Открыл простенький замок и стал внимательнее изучать своё “наследие”. Конечно, в основном это был хлам, и я представил, что около месяца буду вывозить на свалку огрызки чужой жизни. Ворохи пожелтевших газет — в основном наша “Коммуна”, ламповый телевизор, неработающий магнитофон и гора пиратских кассет с “хитами 90-х”, прочий нафталин. Сначала я обрадовался: много книг, но быстро понял, что в основном осталась идеологическая макулатура. Не знаю — почему, но я обратил внимание на большую распухшую тетрадь. Мне подумалось, что кто-то из прежних хозяев завёл её, чтобы записывать расходы или иную бытовую мелочь, и решил сегодня же с её помощью разжечь мангал.

В мелких, неспешных заботах, которые меня только радовали, я так и не заметил, как наступил вечер. Я вынес на веранду и включил старый торшер, достал столик, развернул вместо скатерти “Коммуну”, поставил пакет вина и плавленый сыр, собрал купленный накануне мангал, готовясь пожарить шашлык и впервые поесть за день.

Ах да, тетрадь. Я сходил за ней. Прежде чем разорвать и бросить на растопку измятые листки, я всё же решил пролистать страницы. Нет, это были не бытовые записи. И совсем не пустые — я это понял, обрывочно выхватывая мысли из разных мест. Впрочем, налив вина, я быстро забыл про мангал, и стал читать с самой первой страницы.

Автор воспоминаний — Николай Звягинцев, с первых страниц обращался к Михаилу, и я понял, что держу в руках записи настоящего хозяина домика. Видимо, он умер, и теперь внук продал дачу. Из тетради я понял, что он родился в двадцатом году в Воронеже. Его отцом был радионженер, в начале тридцатых годов занявший пост на заводе “Электросигнал”.

“Воронеж рос стремительно, в годы индустриализации буквально за одну пятилетку население выросло почти в три раза. Многие пересекали из деревень и жили в бараках на левом берегу, который только осваивался. Но я мало интересовался этим. Когда отец стал руководителем высокого звена, мне было шестнадцать лет, а в такие годы редко кто думает об общественной жизни”, — читал я.

Особой страстью отца Николая были старинные предметы, мебель девятнадцатого века, книги, редкие технические издания. Его библиотеке завидовали друзья — общался он в основном с партийными сотрудниками, руководителями различных ведомств.

“Меня часто просили сыграть что-нибудь на баяне, и дядя Женья — самый близкий друг отца, майор НКВД, — улыбался и даже иногда хлопал в ладоши, когда я исполнял “Мы красные кавалеристы”, “Варшавянку” и другие песни времён гражданской войны. Мама никому, даже секретарям райкомов партии, не разрешала курить в гостиной, и люди выходили на балкон, дымили папиросами и трубками, смеялись. Тогда Плехановская шумела не так, как теперь. Лишь редкие полуторки и гужевые повозки проезжали, подпрыгивая на ухабах: в то время не было асфальта, ямы и даже канавы пересекали улицы. Среди гостей были видные учёные, они много тогда говорили о науке, о прогрессе, и я прислушивался, невольно заражаясь страстью к познанию устройства мира, не зная граней, не понимая, куда может привести любознательность... Когда вечерело, и гости один за другим разбирали в прихожей пальто и шляпы, благодарили хозяев, я выходил на балкон и долго вглядывался в тёмно-сизое небо, мечтал. Уже тогда, в шестнадцать лет, я чувствовал всё величие, многообразие и... одиночество вселенной. И я тоже был одинок, как холодно мерцающие звёзды”, — прочёл я.

Оказалось, что Николай Звягинцев, как и я, тоже был журналистом. Он писал о главном редакторе газете — Степане Гейко, человеке прямом и жёстком. Под грозными портретами Ленина и Сталина он и объяснял молодому сотруднику задачу — освещать роль политпросвещения для комсомольцев.

“Всё изменилось в весенний вечер сорокового года, когда, прогуливаясь недалеко от дома, я познакомился с удивительным человеком, который навсегда перевёрнул мою жизнь”, — на этих словах я отложил тетрадь.

2

В полумраке домика я на ощупь отыскал ворох газет, и, порвав их, легко разжёл ветки в мангале. Насекомые от едкого дыма быстро отстали, но сбились и жужжали рядом, словно ругали меня. Я дул на огонь, языки плясали, слегка обжигая лицо.

Я подумал: так кто же занят настоящей журналистикой — автор этих воспоминаний или я, корреспондент нового века, работающий на сайте новостей? Он пишет о своём времени, где были стройки, люди, труд, вера, но хватало и привычной, как сегодня, дурости, лени — да чего угодно. Чем занят я? Ежедневно освещаю какие-то пресс-конференции, встречи, на которых с деловым видом люди в пиджаках что-то заявляют, и это что-то чаще всего либо имеет мало общего с реальностью, либо забывается на другой день. Я давно заметил: прочитав новостную ленту, уже спустя час-другой я совершенно не помню, о чём шла речь. Потом убедился, что это не моя особенность, все живут в таком ритме, хватают и пережевывают на ходу новости, как безвкусную жвачку. Я часто бываю на открытии очередных магазинов, офисов, фондов и хвалю их хозяев, понимая, что делаю это только ради заработка, не верю и, главное, не хочу верить их словам и тому, что пишу. Так что же в итоге? В советские годы власть пыталась с помощью печатного слова изменить человека, сделать его целеустремлённым и послушным трудягой. А сегодня... да в принципе то же самое, но разница в том, что в те годы систему создавали для сверхцелей государства, а сейчас — для определённых структур. Даже социальные акции, помощь детским домам, открытие благотворительных фондов сегодня служат одной цели: оправдать систему, показать “человеческое лицо” людей капитала.

Я отвлёкся от костра и посмотрел на тетрадь. Да, мне становился интересен, близок человек, оставивший когда-то эти записи. Хорошо, что не сжёг, а ведь мог запросто. Только читать тяжело, почерк плоховат. Мне бы хотелось, чтобы разбухшая тетрадь вдруг расплылась перед глазами, слегка приподнялась со стула, увеличилась, преобразилась и стала тем человеком, что заполнил её текстом. Чтобы не малоразборчивые буквы старого человека были перед глазами, а он сам сел рядом, выпил вина, неспешно рассказал дальше свою историю. Читая воспоминания, на первых страницах я испытывал неловкость, ведь слова обращены не мне, а внуку...

Я сказал себе, пускай некрасиво заглядывать без приглашения в чужую жизнь, у меня нет морального права на это, но я уже не смогу остановиться. Вино и сыр немного отогнали чувство голода. Огонь разгорался, комары окончательно отступили в синюю звенящую темень, и я, положив в мангал крупные брёвна, вновь сел под тускло-жёлтый свет старого торшера.

Николай Звягинцев писал, что встретил весенним вечером старика, он представился Карлом Леоновичем Эрдманом. Рядом на асфальте лежала вязанка потрёпанных книг, и он попросил донести эти “сокровища” до дома. Старик жил в тёмной каморке, заставленной книгами и приборами. На вопрос, кто же он такой, не учёный ли, немец ответил, что много лет в одиночку разрабатывает теорию образования космоса.

Оказалось, его измышления не сложны для понимания. Он объяснил Звягинцеву, что у любого материального тела есть прародитель. И планеты, в том числе Земля, тоже когда-то появились на свет. Потратив всю жизнь, Карл Эрдман пришёл к выводу, что планеты рождаются звёздами! Появление планет находится в связи с циклическим характером ядерного синтеза в недрах звёзд, они формируются так же, как дети в лоне матери, и затем отторгаются. Каждая планета уходит на свою орбиту, но не отрывается от матери, а зависима от неё. Эти роды немец назвал Временем Весны. На Солнце Время Весны становится главной эпохой, и длится не три месяца, как принято мерить на земле, а миллионы лет. С приходом галактической весны в каждой звезде просыпается Великая Мать, и постепенно она вынашивает малышей, отдаёт всю себя им... И потом до самых последних дней она заботится о них, живёт только ими и ради них, отдавая всё своё тепло. И Солнце понимает, что, если оно умрёт, — не станет и её детей.

Выслушав теорию, Николай ответил, что вряд ли Карл Эрдман найдёт сочувствие в кругах учёных, но принял его слова как истину. Постепенно они сдружились. Не посоветовавшись с Карлом Леоновичем, Николай решил написать небольшой очерк — о нём и его идеях.

“Строчки сами выливались, и я шумно отстукивал на портативной машинке очерк с громким названием “Воронежский Коперник”, — прочёл я.

Однако редактор Гейко принял статью в штыки, сказав, что бессмертие — это миф, буржуазная ненаучная метафизика. Он посоветовал Николаю порвать все связи с подозрительным немцем. Тот не внял предостережениям, и опять пришёл к Карлу Леоновичу. При этом не забыл о просьбе — принёс пишущую машинку, чтобы набрать все рукописи учёного-мечтателя... Затем Николай Звягинцев как сын сотрудника “Электроприбора” добыл для него современный радиоприёмник, и вместе они стали слушать зарубежные волны, чтобы узнать, что происходит в мире науки.

Однажды Николай пришёл к Эрдману и застал его в задумчивости. Тот, подавленный и уставший, слушал речь Гитлера.

“Нет, миру именно сейчас нужны мои знания! — сказал он Звягинцеву. — Они помогут осознать происходящее и даже прекратить эту ужасную войну. Если мир узнает о реальном устройстве космоса, о его законах, то все побросают оружие, покаются и начнут не рушить, а созидать! Нельзя оставаться равнодушным к этому”.

3

Я поднял глаза — фруктовые брёвна прогорели, угли ярко пульсировали тёмно-красными огоньками, но так почему-то не хотелось вставать, нанизывать шашлык и жарить... Не скажу, чтобы меня сильно захватила история, но всё же было в записках нечто особенное.

Я поднялся и занялся шашлыком. Пока жарил, переворачивая шампуры с ароматными, шипящими кусочками, думал... о дяде Гене и о себе. Мне казалось очевидным, что рассказчик и странноватый немец непременно поедут на следующих страницах, иначе не описывал бы он в таких красках эту встречу. И снова между мной и Николаем Звягинцевым, истинным хозяином этой дачи, оставившим внуку воспоминания, пробежала искра. Так получилось, что и я сблизился с человеком намного старше меня, нашёл общий язык, причём получилось это тоже словно само собой, нечаянно.

Ночью город словно и не спешил засыпать. Стучала, постепенно удаляясь, очередная электричка, где-то в соседних домиках слышались негромкие разговоры, далеко, в летнем кафе выбивали однообразный ритм колонки... Я вновь сел на крыльце, закрыл глаза, вытянув ноги, стараясь различить в этом разнообразии звуков самую лучшую, но приглушаемую музыку — стрекотание сверчков. Минуты текли, я дышал глубоко, сам не понимая, почему улыбаюсь. Становилось легко, спокойно, а потом меня словно подхватили мягкие руки и подняли в небо. Я стал птицей, взлетел над предрассветным сияющим городом. Я парил, то опускаясь, то вновь набирая высоту, едва угадывая ландшафты, картины, понимая, что лечу над иным, незнакомым мне Воронежем. Не стало однообразных, как столбы, высотных домов, супермаркетов, заполненных машинами-букашками автостоянок. Пропал искусственный блеск и мельтешение огней, растворились кричащие рекламные вывески. Я с трудом узнавал места — Воронеж ужаселся, обустроенные пригороды превратились в пустыри и редкие деревеньки, сосновые лесочки, и мой орлиный взор различал далёкие низенькие лачужки, стога сена, вытянутые прямоугольники коровников. Город же подо мной в дымке казался серым, его разделяла неширокая, бегущая неровно, словно змейка, река. Местами по бокам её сжимали пристани с рядами деревянных лодок. Я опустился к воде, к белоснежному юркому паруснику, но ветер отбросил меня к левому берегу. Тут были редкие домики барачного типа, в небольших дворах сушилось на верёвках бельё. Но, поднимаясь выше, я различал стройки, длинные, как шрамы, траншеи, полные кирпича грузовики, глинистые котлованы, насыпи идеально жёлтого песка, горы чёрного шлака. В нос ударил запах гудрона, несмотря на ранний час, уже слышались окрики, шум моторов. Я парю, лечу в иную сторону, кружусь над парком, вижу фигурки спортсменов, лестницу, памятник Сталину — вождь прижимает руку к груди, словно защищает сердце. Перед железными воротами — вывеска: "Спасибо любимому Сталину за счастливое детство!" Я лечу всё быстрее, поднимаюсь — с высоты кажется, что правый берег весь утопает в зелени, по железным путям в Берёзовой роще движется, то появляясь, то скрываясь от глаз, первый утренний трамвай. Я петляю, пересекаю улицы, вижу шпалы, рядом с которыми — насыпи разномастных камней. Постепенно разгорается день, проносятся глазастые полуторки с деревянными бортами, редкие, похожие на красно-белые огородные бочки автобусы, мелькают люди. Большинство зданий я вижу впервые, рядом со многими хочется замереть, покружиться, рассмотреть колонны, лепнину. Я, наконец, понимаю, что лечу над довоенным Воронежем, его трудно узнать и уже никогда не вернуть: почти весь город уничтожат немцы, не уцелеет и десятой части всех этих строений. Меня относит к Чернавскому мосту — я угадываю его лишь потому, что он — средний, но совершенно не похож на современный. Затем опускаюсь к деревьям какого-то сквера, сначала не узнаю его, но мои крылья выносят к Ротонде — не к её руинам, я вижу её совершенно целой, не тронутой войной. Она прилькает к стене вытянутого четырёхэтажного здания клинической больницы. Поднимаюсь вверх, словно ракета, лечу на космической скорости к солнцу, и оно зовёт, зовёт, но невыносимо слепит...

Я открыл глаза — торшер светил мне прямо в лицо. Тетрадь лежала на груди, я так и уснул с ней. Стало холодно, и я, выключив свет, покачиваясь, побрёл на второй этаж, но уснуть не смог. Скоро рассвет, и я решил отправиться на рыбалку.

Лодка моего дяди — широкая, рассчитанная человек на шесть, стала моим единственным наследием (она оказалась никому не нужна), и я, умывшись и напившись из рукомойника, быстро собрал немудрёные снасти, вёдра, прикормку с наживками. Положив всё это у кормы, снял цепь и поднажал на вёсла. Я положил тетрадь на соседнее место в лодке, и она плыла со мной, словно компаньон по рыбалке. Я выгреб к мосту — здесь проходили электрички, и, хотя заплывать далеко не хотелось, мне уже порядком надоел их шум, и я поплыл дальше, в сторону острова Рыбачьего. Всё же для того, чтобы отдохнуть спокойно на городском водохранилище в выходной день, надо постараться, найти тихое место. Постоянно то по одной, то по другой от борта стороне мимо меня пронеслись водные мотоциклы, поднимающая тёмно-зелёную тучу водорослей, плавали шумные, звенящие хитами сезона катера, так что я в своей лодке казался архаичным стариком из повести Хемингуэя.

И всё же удачное место я, наконец, нашёл. Прикормил, забросил удочку и стал ждать. Припекало, и я вспомнил излюбленный метод дяди Гены охладиться — снял кепку, и, набрав её полную воды, надел на голову. Что ж, совсем хорошо, но сколько ждать клёва? Ладно, подумал я, всё равно лучшее время я проспал, так что просто посижу, буду болтаться тихонько на воде, а заодно и почитаю...

Николай Звягинцев писал, что целый год длилась их дружба с Карлом Эрдманом, пока весной сорок первого года он не пришёл в каморку и застал её... опечатанной. Вернувшись домой, он был удивлён: там его ждали сотрудники НКВД, они устроили ему допрос. Оказалось, что немец попытался передать на Запад свои работы, и ему это, конечно же, не удалось. Майор Пряхин словно забыл, что он — близкий друг отца Звягинцева, теперь он стал жёстким и неприступным. Он настаивал, что все “труды” немца — это шифровка для фашистов, и работал Эрдман не один, а с целой группой немцев, которые завербовали и использовали молодого парня.

В кармане завибрировал телефон. Я посмотрел на поплавки, на дальний берег и только затем отложил тетрадь. Подумалось почему-то, что меня разыскивает бывший хозяин дачи, внук автора воспоминаний. Я уже готовился рассказать Михаилу, какую уникальную тетрадь случайно отыскал в домике, но на дисплее высветилось “Папа”.

— Привет, привет! — говорил я, одновременно проверяя удочки — за время чтения кто-то откусил кончик червя на одной удочке и полностью снял мякиш хлеба с другой. — Да, купил! Уже ночевал, ага. Нет, на рыбалку ещё нет, — я помолчал, сам не понимая, зачем вру. — Точнее, вот, только выплыл, но не ловить, так, на разведку. Конечно, приезжай. Отлично. Ну да-да, как к дяде Гене ехать, там же ставь машину, а я к тебе сам выйду.

Я подбросил смятую в шары прикормку и смотрел, как заплясали от их удара о воду полавки. Стало душно, и я вспомнил приметку дяди Гены — если клёв резко прекращается, стоит ждать затяжного ненастья. Я поднял садок — около десятка плотвиц бились, играя на солнце серебряной чешуей. Ну что ж, вы будете первыми счастливыми, кого я завяло к пиву. Отец обещал быть часам к пяти-шести, и неважно, какой будет погода к вечеру, нужно запомнить это местечко, бросить много прикормки, чтобы собрать рыбу на вечернюю зорьку. Вдвоём-то мы уж наверняка найдём подход к крупным, похожим на тёмно-золотистых поросят карасям. Я сложил удочки, поднял груз и погреб в сторону дома.

Защёлкнув замок на цепи, я подумал и решил оставить весь скарб на дне — всё равно скоро плыть, а из местных, думаю, вряд ли кто покусится на мои скромные снасти. Так что, взяв подмышку тетрадь и отцепив садок, я выпрыгнул и стал подниматься по узкой дорожке.

Я прочёл, что после допроса Николая Звягинцева доставили в дом НКВД на Володарского. Через несколько дней испытаний он всё же признался, что был невольным участником некой прогерманской группы, о которой на самом деле он не имел представления. Он решил, что сознательность и помощь следствию помогут ему...

Уже можно было идти встречать отца, и я медленно зашагал в сторону дороги. На стоянке оказалось свободное место рядом с моей машиной, так что отец точно не ошибётся, когда приедет. Я решил прогуляться вдоль забора, закрывающего доступ посторонним в дачный кооператив. Положив руки в карманы, я смотрел на высокую железнодорожную насыпь — именно здесь и пронеслись с гулом электрички. Вверх, закрывая широкими листьями щебёнку, плотной массой тянулись какие-то лианы — может быть, хмель. Да, странно устроен мир — весь, не только человеческое общество. Вот эти растения с головками-хоботками всё время стремятся куда-то, растут, в слепоте своей пытаются ощутить пространство впереди. Их главная цель — тянуться к телу и солнцу. Если и есть в корнях, теле и этой головке зачатки разума, то он подчиняет себе растение, требуя ежечасного стремления к высоте. Нужно опередить других, если получится, запутать их, обмануть, увести с правильной дороги, помешать. Впереди — солнце! Но, когда лиана растянется вдоль высокой насыпи и поднимется на неё, её здесь ждёт не солнце, а рельсы. Может быть, она от несовершенства своего примет блеск стали за луч и положит свою чемпионскую, достигшую наивысшей цели, голову... Bravo, хмель, или как там тебя зовут — неважно! Ты первый. Но смотри, уже с рёвом несётся кто-то. Он промчится по тебе, ничего не почувствовав: ему, такому огромному, нет дела до тебя и твоей маленькой души. Палач убьёт похода, даже и не заметив тебя. И не тронет тех, кого ты обманул, кого оплёл и сбил на долгом пути своём к мнимому солнцу...

За спиной посигналили, я обернулся. Отец припарковался, подал знак из окна. Я помахал в ответ и побежал навстречу. Именно побежал, хотя не было никакой необходимости. Это привычка, традиция, хотя... Ни одно приходящее на ум слово не подходило. Я помню себя примерно с трёх лет, и детство для меня — это ожидание возвращения папы с работы. Зная примерное время, когда он должен приехать, я садился у окна и ждал, никакие игры и даже мультики не могли меня отвлечь — я томился и грустил, если он задерживался. И хотя я вырос, и самому давно бы пора иметь детей, я бегу к отцу, когда давно его не видел, не могу просто идти.

Выходя из машины, отец бурчал:

— Наверное, развалюху взял! Нет, чтобы со мной посоветоваться! Веди уж, показывай хоромы, — он вручил мне два пакета, в одном что-то душевно позвякивало.

— Ну, и что же, если бы я с тобой стал дом смотреть? Думаешь, если бы он тебе не понравился, я бы не стал его покупать?

— Вот вечно ты ершишься!

— Нет, это ты вечно! Нормальный дом, сейчас сам увидишь.

— А Генин вон тот ведь был?

— Конечно, а ты уже забыть успел? Мой совсем близко. Если б дядя Гена был жив, мы бы теперь стали соседями.

Папа придирчиво обошёл мою дачу, поднялся на второй этаж, постукивал по стенам, что-то бормотал. Хотя он проработал всю жизнь на “шинном”, но дни отпуска проводил на подработках, в основном, на разных стройках. Судя по тому, что, спустившись, он ничего не сказал, дача получила удовлетворительную оценку.

Мы сели в лодку, и отец занял место у кормы, закурил, собрал спиннинг. Пока мы не отплыли на глубину, он задумчиво смотрел на высоты левого берега, храм вдалеке, думал о чём-то. Мне хотелось разогнать негу и полусон, и я стал быстро грести.

— Давай не так быстро, я на “дорожку” хочу попробовать, — сказал отец, и сел ко мне спиной.

Ветра почти не было, небольшие пенные волны бились о борта, и я плавно работал вёслами, словно занимался на тренажёре, смотрел на сутулую фигуру отца, седой затылок, жилистую руку и жёлтый от курения палец, замерший на старомодной ленинградской катушке.

Напротив сидел самый близкий мне человек, на которого я был так сильно похож и внешне, и душой.

Если и есть во мне что-то хорошее, то взял я это у него. Разве мы не конфликтовали? Ещё как! До дыма и дрожи! И дело не в извечном споре “отцов и детей”, о котором говорят и пишут все, кому не лень, — от старика Тургенева до нынешних коуч-тренеров по семейной психологии и других аферистов. Конфликт — противоборство интересов и взглядов, это нормальное явление. Я знал семьи, и немало, где споров почти не возникало — только потому, что люди жили под одной крышей, наплевав друг на друга.

Бойкий тёмно-зелёный окушок, зажав во рту тройник блесны, пролетел мимо моего носа, несколько капель слетели мне на лоб с его подвижного хвостика.

— Ну, ты и подсекаешь, — засмеялся я. — Чуть в лицо мне рыбой не ударил.

— А ты не расслабляйся! — папа снял рыбёшку и отпустил за борт.

— Зря. Ещё таких с десяточек поймать, и знатная получилась бы уха.

— Жарко сейчас для супа.

— Вечером самое то!

Эх, папа! Я стал жить самостоятельно для того, чтобы сберечь наши отношения. Если бы я тогда сдался под твоим натиском, остался с вами послушным домашним мальчиком, то, поверь, от этого потеряли бы всё. Не сразу, но ты смирился, стал помогать мне во всём и обижался, если я что-то делал, не посоветовавшись с тобой. Извини, уж таков я. Говорят, точная копия тебя самого. Обо всём этом мы ни разу не говорили и никогда не будем, понимая всё без слов. Я знаю, ты помнишь обо мне каждую минуту. Любишь без слов — а иначе и нельзя, любовь не говорлива. Я, как сын, стараюсь быть достойным тебя не стыдить нашу фамилию. Спасибо, что приехал и сейчас со мной.

Поверь: ты для меня — самая лучшая компания.

Мы с тобой люди разных взглядов, и багаж, который за плечами у каждого, несравним. Я складывал пластмассовые разноцветные буквы и считал палочки, когда ты на снежном ветру торговал этими проклятыми покрывками, что выдавали вместо зарплат. Помню, как ты приехал и привёз мне кожаный ранец. Я обрадовался, но ведь не знал, каких трудов он тебе стоил. А также форма, тетрадки, хлеб на нашем столе. Ельцинская власть под лозунгами свободы рынка унижала тебя, но ты выстоял достойно, без ропота. Со смирением ты вытягивал баржу нашей семьи. Ради чего ты так напрягался? Ради меня и матери. Ты — советский человек по восприятию мира, честный, и остаёшься таким, но ты при этом — подлинный христианин... И вот сидишь ты ко мне спиной, куришь, смотришь на кончик сделанной ещё при Горбачёве, а может, и раньше, снасти, и ничего тебе от жизни больше не нужно. Для счастья то есть... Молодец ты, не то, что я...

Сменился строй, ход времени, иными стали люди... разными, в большинстве своём, конечно, неглубокими, как эта отмель, что мы проплываем сейчас, — все гниловатые водоросли до самого дна видно. Ни ты, ни дядя Гена не приняли новый мир и его порядки, и, может быть, вы правы по-своему. Я и сам порой чувствую себя чужим в этом обществе, где большинство, увидев тонущего, начнут снимать его на камеру телефона и выкладывать в интернет, а не спасать. Ты живёшь по старым правилам — и в плохом, и в хорошем смысле. Меня ты, конечно, осуждаешь за покунку дачи. Раз я скопил деньги, то лучше бы потратил с умом, сберёг на “чёрный день”. Но я не собираюсь готовиться к плохому “завтра”, даже если от будущего стоит ждать только бед. Я хочу, чтобы и мне, и тебе было хорошо здесь и сейчас.

— Долго ещё? Ты что, ловить собрался в тундре? — видимо, отец заскучал, ведь больше на его заветную снасть никто из подводных обитателей не искусился.

— Считай, уже на месте.

После того, как мы опустили груз и забросили снасти, время замедлило бег. Мы, два человека, похожих и разных одновременно, молча смотрели, как пляшут на фоне светло-зеленоватой воды поплавки, как ярко играют на

солнце обрадованные очередной порцией прикормки рыбки-верховки. Времени я затевался спросить что-то, мне хотелось разговора, причём совершенно неважно какого, самого пустяшного. Но слова обрывались, не хотели идти, словно боялись нарушить тишину и гармонию. Мои утренние старания оправдались — карасик подошёл, но клевал только у папы. Отец посмеивался надо мной, когда я, сосредоточенно подсекая, вытаскивал очередную уклейку — такую маленькую, что на солнце просвечивался скелетик.

— Ну что, сынок, это твой размерчик. Вот лучше поучись у меня, а то помру, не у кого будет учиться.

За вечер я так ничего и не поймал, но несколько не расстроился, считая себя матерым егерем, цель которого — подготовить успешную рыбалку.

Наступил вечер, наполненный странной, звенящей тишиной. Казалось, если крикнуть — то голос долетит до левого берега и станет там самым громким звуком.

— Ох, даже голова немного отпустила, — сказал, потягиваясь, отец, когда мы плыли обратно. Он опять забросил спиннинг, блесна играла за счёт движения лодки.

— А что, болела?

— Да так, не так чтобы. Забудь.

Я знал, что он никогда не будет жаловаться, даже если отнимут ногу.

— Да так, сынок, ерунда какая-то бывает. Это, наверное, потому что воздухом дышу мало.

— А ты чаще ко мне приезжай, с мамой. Считай, что дача наша, общая.

— А помнишь дом-пятистенок в деревне, как латали его с тобой? Подпорки ставили, вычищали от хлама? И как пахали?

— Ещё бы, такое забудешь... Лучше не напоминай.

— А я о том времени часто вспоминаю, — он достал сигарету и задумчиво закурил.

Нет, отец, даже не буду спорить! Я знаю, ты с теплотой вспоминаешь девяностые, хоть они и стали испытанием, которое не всякий бы выдержал. Ты любишь то время... потому что был моложе тогда. Не болела голова, не ломила спина, не ныли колени. Но зачем я стану говорить про это? Нет. Я спросил:

— Мама сказала, ты компьютер хорошо освоил, который я тебе подарил, ноутбук маленький?

— Да, но я цель имел, не просто так. Собрать информацию обо всех родственниках и односельчанах, кто где воевал и как погиб на войне. Недавно все-все архивы выложили в интернет, а также и награды, причём с прикреплением сопроводительных документов, за какие заслуги орден или медаль.

— Да, это интересно.

— Ещё бы. Я даже думаю книгу написать о фронтовиках нашей деревни.

— Дядя Гена много знал, он рассказывал. А вот знаешь, какой я дурак.

— Знаю, какой ты дурак.

— Да подожди, я о другом. Вот работаю, считай, каждый день кого-то записываю на диктофон. И в основном тех, кто говорит чушь, — записал и стёр. А дядю ни разу так и не записал. А ведь какая бы ценность была!

— И не говори.

— Нет, всё же дядя Гена родился до войны, оккупацию помнил, — я помолчал, слушая предвечернюю тишину и глядя на слабый отсвет солнца, пляшущий на воде, как восторженный шаман. Высоко в небе крикнула и умолкла птица, словно прочла короткую поминальную молитву. — И по маминой линии многие тоже ведь воевали? Деда-то я помню, хотя мне пять лет было, когда он умер.

— Да, он тебя на колени любил посадить, нянчить.

— А я медальками его позвякивал, как погремушкой, мне нравилось. Сам-то не помню, мама рассказывала.

— С помощью сайтов тоже я многое о нём нашёл. Он же ничего не рассказывал... А почитай сопроводительные бумаги к его орденам! Рембо, или как там его, из боевиков. Только настоящий! Один, с пулемётом и гранатами восемнадцать немцев положил!

— Да, боевой у тебя был тесть.

— Хороший мужик, да. Жаль, из-за ран мало прожил. Сестра его старшая, Татьяна, погибла на фронте, санитаркой была. И двоюродный брат его тоже, интересный персонаж. Я про него как раз сейчас ищу подробности.

Мимо нас промчался катер, нетрезвые пассажиры махали нам руками.

— Вот чёрт, сейчас раскачает, — отец выплюнул окурок. — А звали его...

— Кого?

— Брата деда! Ты меня слушаешь?

— Конечно! — грести обратно было тяжело, я немного устал, но просить отца подменить меня на вёслах не хотел.

— Евгений Максимович Пряхин.

Я замер, подняв весла — капли падали вниз.

— Он был майор госбезопасности, участвовал в ликвидации Елецкой группы противника в бригаде войск НКВД. Погиб в начале июля сорок второго года. Посмертно награждён орденом за успешную борьбу с вражеской агентурой и диверсантами. Выдающийся, видимо, был человек, а сведения о нём такие скудные.

Отец даже не заметил моего изумления или не придавал ему значения — он не мог знать того, что известно мне о... Пряхине. Ведь это был он, вряд ли однофамилец... такого ранга.

— Что с тобой, отдыхаешь? — спросил он.

Жёсткий офицер из воспоминаний Звягинцева, сталинский палач и мерзавец — мой родственник? Пусть не прямой, конечно, но всё же... Я снова взялся за весла, грёб машинально и молчал, несколько раз порываясь рассказать отцу о дачной находке и удивительной истории, в ней записанной. Но папа снова пересел ко мне спиной и забросил блесну, и я решил, что лучше пока помолчать.

Налетел ветерок, он принёс запах сырости, чистоты. Я поднял глаза — с левобережной стороны шли тяжёлые тучи, они заволокли небо и нависли тяжёлыми свинцовыми подушками над городом, который с исчезновением солнца побледнел, стал мрачным, сероватым. На миг опять всё притихло, и только вёсла били по воде, поднимались и опускались вниз, словно плывущие дельфины. Глухота обволакивала нашу лодку, но гром и молния вспорили её. Они всколыхнули водохранилище, будто подняли бурю в огромной ванной.

— Да, чудеса, — сказал отец, сматывая спиннинг. Он обернулся ко мне, думая, как бы помочь мне ускорить ход лодки. Вариантов не было. — Вот какая перемена. Сейчас накроет.

Волны стали бить по бортам, словно бросали в нас камни.

— А я знал, что так будет, — прошептал я, налегая все сильнее.

— И я знал.

— Странно даже, что у тебя клевало.

— Ну, так это же у меня.

Отец по-прежнему сидел спиной, и я видел, как дождь, начавшись тихо и резко усилившись, стучал по голове каплями, и волосы его с сильной проседью вдруг стали чернее, словно благодаря ливню он стал молодеть на фоне равномерного стеклянного звона.

Поёживаясь от холода, я не переставал грести. Когда причалили, оба мы промокли и замёрзли. Я вспомнил, что и раньше, когда с отцом рыбачил в деревне, мы часто попадали в грозу и возвращались, словно мокрые псы. "Ну и рыбачки!" — говорила в таких случаях мама.

Прибившись к берегу, мы зацепили лодку, побросав в ней всё снаряжение, и бежали, спотыкаясь, по размытой дорожке, ноги с чавканьем вминали траву-повитель.

В домике мы вытерлись старой занавеской — ничего более подходящего под рукой не нашлось. Глядя на нас со стороны, можно было смеяться, а мама, видимо, причитала бы и бранила за то, что засиделись долго, что сами виноваты и теперь можем заболеть.

Гроза стихла, дождь стучал равномерно, тихо, словно шептал, звал ко сну.

— Это теперь надолго он зарядил,— сказал папа. Обсохнув, мы сидели на втором этаже, и капли стучали по крыше. — Надо бы за садком сходить.

— Надо, — ответил я. — Ты пойдёшь?

— Нет, неохота.

— Вот и мне тоже.

Рыбалка — странное занятие, и многие вполне обоснованно не могут понять её логику. Если мы тратим время и силы ради поимки рыбы, то почему она... совсем не важна в итоге?

Я выключил торшер, и мы лежали с отцом в полной темноте на одной кровати, укрывшись одеялами.

— Спишь? — спросил я.

— Нет...

— А вот скажи, как думаешь, почему бывает, что дети и родители друг друга не понимают?

Папа помолчал, я слушал его хрипкое от курения дыхание.

— Всё относительно, сынок, — сказал он. — И от времени зависит. Бывает так, что дети не понимают родителей, или наоборот. Когда ребёнок маленький, он не понимает родителей по одной причине, повзрослеет — находит другие.

— Ну, а в общем?

— А в общем всё это идёт к запоздалому раскаянию. Моего отца нет уже тридцать лет, и знаешь, я во многом, если не во всё, если смог бы повторить, вёл бы себя с ним иначе. Это не значит, что у нас были конфликты, совсем даже наоборот. Просто сейчас уже понимаю... а сделать, поменять ничего нельзя.

— Странная штука, — сказал я. — Ладно, давай спать, а то завтра мне на работу ехать.

— Спокойной ночи.

Папа заснул быстро, словно ребёнок, а я ещё долго смотрел в потолок, слушал дождь, равномерный храп и хрипкое посвистывание отца, и думал...

Почему мы все постоянно совершаем какие-то ошибки, большие и малые, словно обречены на них? Вот и религии учат, что человек в силу своего несовершенства ежеминутно грешит. Христианство предлагает покаяние как выход, но ведь это не избавляет от повтора глупостей. В любом случае получается так, что жизнь — всегда неудача?.. Я повернулся лицом к стене и стал прокручивать в голове те или иные события из своего прошлого, и понял, что всё, до последней минуты, в том числе покупка дома, сегодняшняя рыбалка, чтение чужих записей, содержит в разной мере элемент ошибки. Но тогда что же, стоит просто об этом не думать и всё?

Я поднялся и, включив на первом этаже свет, стал собирать книги по истории КПСС, кассеты, обрывки и прочий хлам в коробку из-под телевизора. Я подумал — зачем нужно вообще... хранить на даче, в гаражах коробки от телевизора и других приборов, а не выбрасывать их сразу же после покупки? На всякий случай, а мало ли. Так и во всё мы поступаем, а потом жалеем, что жизнь наша наполнена сотнями ненужных связей, предметов, людей...

Закончив с уборкой, я взял в руки тетрадь... Случайно уцелевшая достойная вещь в море ненужного барахла. Тетрадь, а теперь ещё и отец поведали мне удивительную историю. Выходит, что я потомок палача, сломавшего судьбу хозяина этой дачи. Если бы я не раскрыл тебя, тетрадь, то и не узнал бы об этом. Прочсть тебя было ошибкой, равно как и не открывать вовсе.

Эта мысль вновь и вновь приходила ко мне, словно надоедливый, жадный до крови комар в комнате, злиться на которого и отгонять, в общем-то, было лишено смысла.

— Завтра на работу надо, — сказал я, но понял, что вряд ли усну. А раз так, лучше почитать, чем мучиться в темноте от бессвязных философских мыслей. Тем более, осталось и не так много страниц, так что я успею дочитать воспоминания Звягинцева до рассвета. В тетради я прочёл, что Звягинцев в "сером доме" НКВД содержался в одиночной камере. После того, как

под давлением он соглашается подписать бумагу, тем самым обрекая на смерть неизвестных ему людей, его вновь вызывают на допрос к Пряхину. Тот сказал, что Николай ни в чём не виноват, а стал невольным соучастником группы. Но его обследует врач, и вместо свободы Звягинцева направляют на принудительное лечение в Орловскую психиатрическую больницу. На этом тетрадь заканчивается, но Звягинцев пишет, что есть и вторая, красного цвета.

5

— Почему встал так рано? Не спалось? — голос отца отвлёк меня. В тетради осталось не более пяти листов.

— Да я и не ложился, пап.

— Что так? А я спал, как убитый.

— Рад, что ты отдохнул. Завтракать будешь? Я сейчас что-нибудь соберу.

— Ты куда планируешь ехать? — спросил отца, когда ели шипящую на сковородке яичницу.

— Собираюсь в гараж.

— Отлично. Сможешь тогда мусор с собой взять и выбросить? Я целую коробку хлама собрал.

— А что сам-то не можешь?

— Боюсь, не успею, дел очень много.

— Вечно у тебя отговорки. Ладно, помогу.

Мы положили в его багажник короб — он оказался так тяжёл, что один я бы не справился. Пожав руки, расстались, я провожал взглядом машину отца, положив руки в карманы, пока она не скрылась за поворотом.

Уже через полчаса я ехал по песчаной дороге, с завистью глядя на вечных дачников — пенсионеров в плавках и панاماх, с тёмно-коричневыми от загара плечами, они неспешно бродили по участкам, поливали цветы и грядки. Но и они остались позади, я вырулил с улицы Горького на развилку Северного моста и скоро стал одной из множества песчинок огромного, ревущего моторами города. Я спешил к событиям нового дня, чтобы рассказать о них читателям.

К полудню, посетив выставку и встретившись с каким-то депутатом, устав от разговоров, вечных пробок и жары, я поехал в редакцию на Московский проспект. Рабочий день, казалось бы, только начался, но я уже устал и мечтал скорее вернуться на берег, развалиться в кресле и, конечно же, ничего не делать.

— Серёж, к нам пришёл интересный гость, можешь побеседовать? — Я повернулся. Редактор нашего портала Юлия — худенькая, как всегда, излишне накрашенная, — улыбалась. За её спиной стояла женщина в летнем платье.

— Познакомься, это — Ольга Фадеевна, краевед, — сказала редактор. — Думаю, нам стоит подготовить несколько репортажей. Тебе надо будет сходить на экскурсии “Воронеж пешком”, Ольга Фадеевна тебе всё расскажет.

“Ну вот, хоть что-то интересное”, — подумал я.

Я подвинул от соседнего стола кресло для посетителя и предложил чаю, при этом успев включить диктофон. Сам иногда поражаюсь, насколько мои действия доведены до автоматике. Ольга Фадеевна отвечала на вопросы, рассказывая о недавних экскурсиях — “Воронеж театральный”, “Древний город Воронеж”. Из папки она доставала фотографии, распечатки прежних публикаций.

— А вы слышали что-нибудь об истории дома номер семьдесят на Володарского, в котором жили чекисты? — вдруг спросил я.

Краевед молчала, с интересом глядя на меня. Лёгкая улыбка говорила, что я задел какую-то особую тему:

— Ещё бы, не просто слышала, я некоторое время жила в этом доме.

Я невольно выпрямился, подвинул диктофон поближе к собеседнику.

— Это здание — часть целого комплекса, построенного в начале двадцатого века для работников спецслужб, — я слушал её рассказ. — Сотрудники ОГПУ закрепились в историческом центре Воронежа ещё во времена гражданской войны. Для удобства в работе они выбрали лучший дом, когда-то принадлежавший купцам Нечаевым, сейчас там памятник Бунину. А для жилья им определили несколько домов “врагов народа” неподалёку — купцов Бухонова и Трубецкого. Затем в тридцатые годы на нынешней улице Володарского стали строить здание для НКВД, сейчас это театр юного зрителя. Сад “Аквариум”, что был неподалёку, превратился в парк имени Дзержинского, а ближайшие улицы Покровская и Воскресенская получили имена Дзержинского и Орджоникидзе. Так что работники НКВД получили для себя лучшие места в центре города. Семидесятый дом был автономным, и попасть туда было нелегко.

Ольга Фадеевна в подробностях рассказала мне то, что я уже знал из воспоминаний Звягинцева, в том числе и про тюрьму:

— Даже сейчас в подвале одного из подъездов есть дверь с глазком и тюремным засовом. Видимо, в то время, когда после войны сносили тюрьму, кто-то решил занять себе такую крепкую дверь. То, что она связана с горем и людскими бедами, видимо, не смущало, тогда люди были другие.

— Да, жутковато как-то, я бы ни за что себе такую дверь не поставил, — сказал я.

— Люди мыслили иначе, они пережили страшное время и были закалены. Старожилы уверяют, что между “семидесяткой” и обкомом партии на площади Ленина был подземный ход. Лично я в этом не сомневаюсь. О нём не раз шла молва, да и в целом это в духе того времени. Потом, после смерти Сталина, сотрудники КГБ его замуровали.

Затем Ольга Фадеевна рассказала, что в годы войны судьба посмеялась над жильцами “дома чекистов”. Во время оккупации семидесятый дом сильно пострадал, как и в целом Воронеж, который фашисты разрушили практически полностью. Вернувшиеся в разрушенный город сотрудники спецслужбы вынуждены были жить с семьями... в той самой тюрьме, где когда-то содержались заключённые. А “семидесятку” уже потом восстанавливали пленные немцы. По воспоминаниям старожиллов, при ремонте находили арки, проёмы, трубы между квартирами, видимо, они были для связи. Когда работы завершились, тюрьму за ненадобностью снесли.

— В истории этого дома не обошлось без мистики, — на этих словах я оглянулся и понял, что коллеги отвлеклись от мониторов и слушали наш разговор. Даже редактор Юля смотрела на Ольгу Фадеевну, не обращая внимания на то, что на её столе вибрировал телефон. — С ним связано много странностей, есть и то, что смело можно назвать судьбой, роком. Практически все дети — потомки сотрудников НКВД — трагически ушли из жизни. Хорошие, образованные люди, которым только жить и жить, гибли в автокатастрофах, тонули, заболели, почему-то спивались. При этом их ровесников, переехавших в “семидесятку” и не имевших кровных родственников из органов, несчастья обходили стороной. Это замечали все, путаясь очевидной мистики событий.

Помолчав, она добавила:

— Этот дом — свидетель многих трагедий. Он не просто памятник, а самое настоящее напоминание о том, что всё на земле, любой шаг, поступок имеют цену и последствия.

Никогда в нашей редакции не было так тихо.

— Об этом обязательно, — сказала Юля, — просто обязательно надо написать.

“Ага, — подумал язвительно я, — а не про твои любимые убийства, провалы канализации и капремонты”.

— Чтобы рассказывать людям об этом, мы и создали наше сообщество, — улыбнулась Ольга Фадеевна. — Мы каждый день проходим, проезжаем мимо зданий, строений, не зная, не замечая того, что почти каждое из них — как открытая книга. Нужно только потрудиться, обратить внимание, научиться читать — и мы узнаем так много о прошлом, о людях, живших

в нашем городе! Иногда маленький незвучный домик, в котором жила всего одна семья, может рассказать больше, чем огромная девятиэтажка. Там была своя жизнь, трагедии, радости. Когда мы рушим прошлое, мы не домов лишаемся, а выхолащиваем ценности, опустошаем себя. Как сквозняк выносит тепло из дома, так и мы выносим суть, смыслы, лишаемся исторических корней. Человек, который не относится бережно к вещам в своём доме, никогда не будет беречь и всё остальное. Пустые люди оставляют после себя пустое место. Ведь раньше, когда хотели взглянуть, говорили: “Чтобы пусто тебе было!”

Ольга Фадеевна вздохнула:

— Если вы всё же захотите написать о доме на Володарского, я могу на время дать вам мою работу, посвящённую этой теме. Только это рукопись, я всё собираюсь, но не успеваю перевести в электронный вид.

— Спасибо! — сказал я, удивляясь, как сама История нашла меня. Как-то несколько дней назад я и не задумывался об этом, но вот дом — большой, серый, — он будто сам громко постучался ко мне, поведал о себе, добавив как бы между прочим, что и мой родственник жил в нём, занимая далеко не последнее место...

Вспомнились слова о незавидной судьбе потомков чекистов, и я невольно поёжился. И верно: вспомнилось, что двоюродная сестра моей мамы умерла от рака, долго страдала, перенесла несколько сложных операций. И ещё я слышал историю про дядю Сашу — он пьяный разбился на мотоцикле, кажется, в семидесятые годы, задолго до моего рождения. Осталось только помолиться и попросить, если возможно, замкнуть эту цепочку.

— Вам позвонит наш активист, Таня Лукьянова, она передаст мою рукопись о доме, — сказала Ольга Фадеевна. — Я вам доверяю, но очень прошу, сохраните её, она всего в одном экземпляре.

— Конечно-конечно, — ответил я. — Более того, обещать не буду, но постараюсь если не всю работу, то хотя бы часть её набрать на компьютере.

— Это будет здорово! Я буду вам так благодарна, я просто не успеваю.

Я поблагодарил краеведа и проводил. Подниматься обратно не хотелось, решил подышать. Было душно, тянуло побыть в тишине, но даже в нашем проулке не удавалось спрятаться от городского шума, урчания сотен моторов, проносящихся по проспекту. Мой коллега, Витя Малуха, спустился, слегка покачиваясь, закурил. Мы с ним были единственные корреспонденты мужского пола в большом коллективе редакции, журналистика из-за невысоких зарплат давно стала “женской профессией”.

Я попросил сигарету, думая, как быстро опять втянусь в эту привычку. Я бросаю и начинаю курить постоянно с четырнадцати лет, с перерывами порой на полгода и больше. Но всё равно берусь за старое, вот и теперь.

— Классно она рассказывала! — сказал Малуха, давая мне прикурить. — Вот кто делом реальным занят, не то что мы.

Я кивнул. С этим сложно спорить. Сочиняя каждый день по десятку коротких новостей в сухом “форматном” стиле, выдавая интервью разной степени скучности, мы были самыми настоящими бездельниками. Журналисты — трудно сказать, по собственной воле или нет — давно отказались от служения высоким целям и потому стали лишними людьми в обществе. Люди, интересуясь новостями, совсем не брали в расчёт автора и его мнение, да и нас вынуждали доносить информацию, а не оценивать её. Так что мы стали роботами. Скоро компьютеры сами начнут формировать новостные заметки, брать интервью, и тогда от нас совсем откажутся. Я уверен, что с задачами, которые сейчас ставят перед нами, машины справятся не хуже.

Я молча стоял, а Витя просто смотрел на меня и, кажется, ловил мои невесёлые мысли.

— Краеведы, бесребреники, чудаками кажутся, — сказал он. — А ведь это просто люди увлечённые, со своей целью и миссией, каждый из них в глубине души убеждён, что занят важным делом. Собственно, это и есть их стержень, ради него они вкладывают силы и даже средства. А мы — нет. Мы не верим в то, что делаем, даже на поверхности души не верим.

Он потушил окурок. Я знал, почему Малуха так говорил, что его раздражает. Юлия считала его за то, что он взял с какого-то сайта новость и хотел поставить её почти один в один, заменив всего пару слов. И поступил он так не потому, что думал украсть чужие мысли, — там их просто не было. Даже не в лени дело. Он больше не любил профессию. Перегорел, устав от нестыковки реальности и собственных ожиданий.

Эх, Витя, вот стоишь ты, закурив вторую сигарету, небритый, сутулый, с опухшим даже на улице шлейфом ночного подпития, и глаза твои мутны. А ведь я знаю тебя давно, и учились вместе, только ты — на два курса старше. Тебя же сам заведующий кафедрой всем в пример ставил! Старик — либерал и идеалист, — он на тебя просто молился! Ценил твой слог. Кому он нужен теперь, да? У тебя над кроватью тогда висел портрет Василия Пескова, и ты говорил, что добьёшься своего, обязательно проедешь по стране и станешь автором лучших очерков о природе и людях. Ты видел себя мастером, представлял на вершине и мечтал, конечно, не о том, что имеешь теперь. Если бы тебе, тогдашнему студенту, открыть правду и показать тебя нынешнего, ты бы плюнул и не поверил, да. Журналисты сейчас — самые лишние люди. Это уже не творческая профессия, в ней может преуспеть разве что амбициозный халтурщик. А ты не смог стать таким.

— Молодец эта Ольга Фадеевна, краевед, — наконец произнёс он. — А Юлька — дура. Ненавижу её. Псевдоредактор. Сама бы в жизни хоть что-то написала. Администратор от журналистики, смех один.

Рабочий день, как всегда, очень медленно подходил к концу. Я спускался вниз, на ходу позвякивая ключами и думая, что скоро окажусь на даче. В этот момент завибрировал телефон, и, достав его, я увидел незнакомый номер.

— Здравствуйте! Сергей?

— Да, слушаю.

— Меня зовут Таня Лукьянова, я звоню по просьбе Ольги Фадеевны, она просила передать рукопись.

“Как быстро!” — подумал я. Да, Витя прав, краеведы — настоящие фанаты, если бы их нанимали на работу и платили за краеведческий труд, все бы они получали премии за усердие. Среди них, конечно, есть люди одержимые и не всегда адекватные, даже откровенно сумасшедшие, но не бывает унылых и пассивных.

— Где мы можем встретиться?

— Я сейчас в центре, в районе “Утюжка”. Но иду в сторону Петровского сквера. Давайте встретимся у “Петровского пассажа”, хорошо?

Я обещал Татьяне, что буду через двадцать минут, но негде было припарковаться, и я проехал до улицы Коммунаров. В последнее время, даже если я опаздывал на важное мероприятие, то никогда не переживал по этому поводу и тем более не бежал. Пусть бегают мальчики-корреспонденты и особенно — девочки, раз их развелось так много. Но сейчас, хотя и повод особенным не назовёшь, да и смысла нет, но я почему-то шагал всё быстрее и быстрее, а затем вовсе бросился со всех ног, огибая прохожих.

У входа в “Петровский пассаж” стояла девушка. Она улыбнулась:

— За вами гнались?

— Нет, это я так к вам спешил, — честно ответил я.

На мгновение наши глаза встретились. У Татьяны они были чёрные, глубокие, и трудно было понять, то ли смеются они, то ли плачут. И странная мысль поразила меня — неужели я вот так загляну в них только сейчас, на миг, и всё? Девушка передаст мне папку, мы поблагодарим друг друга, и разойдёмся...

Я каким-то особым, наверное, звериным чутьём почувствовал, принял и распознал всю её, словно знал Татьяну всю жизнь, искал и стремился к ней. У неё был какой-то особый, родной запах. Нет, не духов вовсе, а какая-то иная, далёкая и близкая одновременно нота, которая слегка тронула что-то во мне, и душа зазвенела, словно сотня маленьких колокольчиков.

Кто она? Татьяна младше меня лет на семь-восемь, а может быть, и больше, хотя этот взгляд... такой умный, осознанный, взрослый. У девушек слегка за двадцать обычно не такие глаза. Да и что со мной случилось вдруг, не пойму.

Я долго молчал. Она протянула папку, и мы сжали пальцы, каждый со своего угла, и смотрели друг на друга. Татьяна улыбнулась и сказала:

— Понедельник — трудный день, вы, наверное, устали сегодня?

— Почему же, нет. Хотя вы правы.

— Я так подумала, потому что у вас очень усталый взгляд, немного грустный. И ещё вы не расслышали мой вопрос про Ольгу Фадеевну...

— А вы спросили?

— Конечно.

— Ах да, Ольга Фадеевна, — и я глупо повторял эту фразу, — вы знаете, Татьяна...

— Таня, лучше просто Таня.

Что же сказать? Чёрт меня возьми, что же? Я был не готов к этой встрече, терялся, а на языке вращались, как весёлые мысли-кружочки, какие-то лишние, неуместные слова.

— Я обязательно сохранию рукопись, изучу всё и верну быстро. С ней ничего не случится.

— Не сомневаюсь, — она продолжала улыбаться, и мне казалось, как-то участво, тепло, очень тепло... И добавила:

— Мне пора, сейчас уже начинается встреча с Николаем Белкиным здесь, в книжном магазине. Он писатель и краевед, вы наверняка о нём слышали?

Я кивнул. С Николаем Сергеевичем мы были не просто знакомы, а подготовили не одну статью для журналов, газет и сайтов. Я работал во многих его проектах и считал своим старшим другом.

— Он скоро отправляется из Воронежа на Север и хочет проехать на машине до Магадана. Сегодня расскажет об этой экспедиции, — говорила она. — Страшно интересно, вы простите, но я так боюсь опоздать.

Мои мысли прояснились:

— Таня, так ведь и я тоже приехал сюда послушать, здорово, что у нас так всё совпало, — если душа способна дышать, подумал я, то сейчас она у меня выдохнула с радостью и облегчением.

— Ну что же, пойдёмте! — сказала она, и мне было радостно проходить с нею через стеклянные двери, видеть её плечи, волосы, слышать — да, теперь именно слышать — её запах. Я шёл за ней и был рад этому. Как-то странно и неожиданно для себя я ощущал, что жизнь моя, моё время движется, будто дорога, которая вьётся змейей, порой делая резкие повороты. Вот и сейчас она словно сменила направление. Ведь я мог бы просто попрощаться и уехать на дачу. Ничего особенного. Несколько минут назад я вовсе и не знал Таню, её в моей жизни не было. Не было тридцати с хвостиком лет, которые я прожил. И вот секунды, секунды, да, какие-то секунды! А я уже верю, будто что-то пошло иначе. Она казалась мне маленькой, аккуратной, похожей на куклу, но в самом хорошем смысле — обычно я называю куклами пустых девушек. А Таня была иной.

Я хорошо знал книжный клуб в “Петровском пассаже” — там создали уютную обстановку, и собирались люди особого склада и интересов. Здесь постоянно проходили каких-то встречи, часто именно здесь презентовали книги крупные российские писатели.

Встреча ещё не началась. Вокруг Николая Белкина собралась группа, и он им что-то рассказывал. Мы поздоровались, и путешественник отвлекся, спросил меня о чём-то, я отвечал. Боялся, что потеряю Таню, что она растает здесь, среди стеллажей и полок, станет невидимой и уйдёт, словно и не бывала. Превратится в образ, пейзаж на стене, и будет так же улыбаться мне, но уже из далёкого мира, словно я лишь придумал её.

Но Таня, конечно, была здесь, она села в уголке и листала какой-то журнал. Я решил устроиться с противоположной стороны, так, чтобы не показаться ей назойливым, но и во время встречи видеть её. Вернее, смотреть всё это время только на неё.

— Во время отпуска большинство стремится к морю. А вот я решил отправиться на Север, — рассказывал герой вечера. Таня что-то записывала, положив ногу на ногу. — За тринадцать лет я побывал в Воркуте, Норильске,

Нарьян-Маре, Владивостоке и других городах Севера и Сибири, а в первую экспедицию отправившаяся с группой единомышленников в тридцать лет.

— Путешествовать по России дорого, в Европу было бы съездить дешевле, — бросил реплику кто-то.

— Конечно, это так, — ответил Николай Белкин. — Я бывал и в Европе, и в Латинской Америке. Но вот тянет меня лучше узнать не далёкие берега, а родную страну. В России отдых интеллектуальный, потому что в процессе познаёшь свою Родину. Часть маршрута по Северу и Сибири можно преодолеть на машине, автобусе, самолёте, а где-то приходится лететь на вертолёте или плыть на катере, пробираться на воздушных и снегоходах. Территории на Русском Севере огромные, хорошие дороги между населёнными пунктами — редкость. Поэтому мы поедem на грузовиках.

Таня, слушая рассказчика, несколько раз взглянула на меня и быстро отвела глаза. Я, видимо, обжигал её своим интересом, и она это чувствовала. Тогда и я невольно отводил взор, смотрел на длинный ряд каких-то толстых энциклопедий.

После встречи ко мне подошёл Николай Белкин, мы договорились, что после экспедиции я первым возьму у него интервью. Не знаю — почему, но я сам затянул этот разговор и понял, что упустил Таню. Люди расходились, и её в книжном клубе уже не было. Попрощавшись с путешественником, я суетливо побежал.

Было уже около девяти, вечер падал на город мягким июльским покрывалом, пары прогуливались, кто-то фотографировался у памятника Петру Первому. Тани нигде не было. Я бросился к остановке, хотя и не мог знать, в какую сторону она пошла. Вот же дурачина, ругал я себя, так глупо, без всяких причин упустил её. Конечно же, не навсегда — сегодня найти человека, если ты этого по-настоящему хочешь, нетрудно, это можно сделать даже с помощью компьютера. Только, потеряв её на этот вечер, отчего-то был уверен я, уже ничего не удастся исправить. И я бежал, не думая, правильное ли у меня направление, кто-то вёл меня тайным и твёрдым голосом.

И она... действительно была на остановке и уже хотела запрыгнуть в автобус, но на мгновение замерла, обернувшись ко мне. Посмотрела на меня и спросила:

— Сергей, простите... А где папка? Вы её не потеряли?

Я ударил себя по лбу: ведь сам же обещал, что внимательно отнесусь к рукописи Ольги Фадеевны...

— Чёрт возьми, то есть, простите, нет, конечно. Я сейчас, не уезжайте! Я мигом! — крикнул я и опять побежал в магазин. Щёки мои покраснелись так, что хотелось хотя бы на миг остановиться и умыться лицо в фонтане. Даже в двадцать лет, наверное, я не выглядел так глупо, как сейчас.

Работники книжного магазина уже собирались уходить, но ради меня открыли дверь.

“Как мальчишка”, — думал я, когда бежал обратно с папкой. И казалось, что не было всех этих лет, и я вновь тот же, каким был в день ухода от родителей, когда впервые влюбился и был уверен, что встретил свою судьбу и стоит начинать новую жизнь. Словно крут времени совершил оборот и вернулся к прежней точке, и теперь пойдёт заново, захватив меня с собой. И победит иначе, на этот раз — правильно.

Таня одна на остановке. Она стояла на остановке.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спросила она и посмотрела на меня, взъерошенного, задыхающегося от непривычности бега так спокойно и по-доброму, что прыгающее в груди сердце стало замирать, а пульсирующая кровь в висках успокаиваться, как горная река, постепенно спускающаяся на равнину.

— Может быть, мы прогуляемся, хороший вечер, — сказал я.

— С удовольствием бы, но мне нужно попасть домой как можно быстрее, — ответила она. — Я снимаю комнату, а хозяйка ложится спать рано и не любит, если я задерживаюсь.

— А вы не из Воронежа?

— Нет, я приехала из посёлка Добринка, может, слышали, это рядом, в Липецкой области.

— Слышал, но не бывал.

— У меня там живут мама и две сестры. Мама настояла, чтобы я окончила техникум и стала швейей, как она, но потом я поняла, что это — не моё. И этим летом я решила поступить в ВГУ, у меня очень скоро начинаются экзамены.

— Таня, тогда что же мы стоим? Раз у вас такая злая хозяйка, — я рассмеялся, но ей моя шутка не понравилась. — В общем, давайте я вас подвезу, я на машине.

— Не надо, не надо! Мне надо на левый берег.

— И мне туда же, — соврал я.

— В район “Машмет”?

— Конечно!

Пока мы шли до машины, Таня рассказала, что хотела бы стать историком или культурологом, но всё-таки будет пытаться поступить на маркетинг. Я удивился.

— История, особенно история искусства — это то, что мне по-настоящему интересно, — ответила она. — Я поэтому и пошла на экскурсии “Воронеж пешком” — чтобы познакомиться с интересными, творческими людьми, и мы быстро сдружились с Ольгой Фадеевной, она мне очень помогает, — Таня помолчала. — Но мне, как говорится, не шестнадцать лет, и я понимаю, что в современном мире с гуманитарным дипломом далеко не уедешь, так что культуру с историей придётся оставить просто как развлечение.

— А маркетинг? Неужели вам и правда интересны реклама, продвижение товаров и тому подобное? Я боюсь, что это — полная противоположность культуре, двигатель вещиизма и потребительства.

— Возможно. Но маркетологи сегодня востребованы.

Я помог Тане сесть в машину, а сам думал о совершенно кривом и ничтожном устройстве нашего общества. Для того нам и нужны различные институты власти, управления и министерства, где люди получают зарплаты мешками, чтобы отрегулировать общественные отношения и сделать так, чтобы каждый смог найти себе применение, согласно своим интересам и навыкам. Похоже, что страной по-прежнему, как и в начале необузданных девяностых, управлял злой, не контролируемый никем рынок. Безликий и беспощадный.

По проспекту Революции ехали молча, почему-то не решаясь продолжить разговор. И лишь когда выехали на Вогрэсовский мост и увидели искрящуюся на закате воду, я спросил:

— Таня, интересно, а у вас есть главное увлечение в жизни, настоящее?

Я невольно отвлёкся от дороги, глядя на неё. Видимо, вопрос я задал особенный, и она решала, стоит ли говорить об этом со мной.

— Я очень люблю... — Таня снова замолчала, а потом подняла веки, и её черные глаза блеснули, как две пуговицы. Мне показалось, что в ней проснулся ребёнок, который готов открыться, сказать что-то, но боится, что его обидят. — Я люблю куклы, особенно старинные. Я ищу их так же, как некоторые коллекционеры заняты поиском икон. Когда ещё училась в техникуме, мне случайно попала старая кукла, девятнадцатого века, и я сама её отреставрировала, сшила для неё одежду. Ольга Фадеевна меня в этом поддерживает, иногда подсказывая, к кому в Воронеже и в области можно обратиться, кто также интересуется куклами. Ольга Фадеевна — увлечённый человек, который всегда готов помочь. Вот и вам, Сергей...

— О, нет! — перебил я. — Раз вы сказали мне, что вы — просто Таня, тогда и меня не называйте полным именем. Я это тоже не люблю. Есть имена, которые и полные звучат непринуждённо, но при обращении “Сергей” я чувствую какую-то... официальность, что ли.

— Вот и я так же реагирую на имя Татьяна.

— Вот и здорово. Так что я Серёжа.

— Но к Серёже так не идёт обращение на “вы”, уж очень мило и близко оно звучит, как-то по-есенински.

— Тогда перейдём на “ты”. Антикварные куклы — это, наверное, и правда интересно, я бы, по крайней мере, хотел бы на них посмотреть.

Даже в музеях они встречаются не так часто. Ну, а если надо в чём-то помочь, я готов.

— Спасибо, — ответила она и посмотрела в окно.

— Таня, так где твой дом?

— Рядом с парком на Ростовской улице, я покажу.

Мы свернули во двор — весьма мрачный, окружённый серыми, совершенно одинаковыми пятиэтажками. Недаром всё-таки этот район считают неблагоприятным, подумал я. Большинство воронежцев отличаются тем, что посещают одни и те же места, связанные с работой или иными обязанностями и нуждами, при этом никогда не бывая в других частях города. Вообще никогда. Я бы и сам не поехал бы на “Машмет” и не согласился бы здесь жить. И хотя экологическая и криминальная обстановка со времён девяностых годов здесь немного поменялись, в целом и сейчас тут было как-то серо и неуютно, особенно с наступлением сумерек. Даже летом, не говоря уже о мрачных однотонных днях поздней осени и холодной зимы. Задавать Тане глупый вопрос, нравится ли ей место, где она снимает комнату, я не стал.

Я проводил Таню до двери и дождался, когда заскрипел замок и в узкой щели появилось худощавое старушечье лицо. Женщина, похоже, вовсе не заметила меня или не хотела замечать, а только что-то бурчала под нос. Таня протянула руку, я пожал и ещё раз на прощание заглянул в её глаза:

— Всё-таки не стоило меня провожать, — тихо сказала она. — Серёжа, вы, то есть ты совсем не умеешь врать. Это сразу видно. Тебе совсем не нужно было в этот район. Ведь правда?

Я был рад её прямолинейности, улыбке, каждому слову, было в её речи что-то теплое, хорошее. Особенно в этом её обращении на “ты”, которого я добился, — в нём уже звучала близость.

— Надеюсь, мы ещё увидимся, Таня?

— Конечно, почему бы и нет. Приходите на наши экскурсии!

Приехав следующим вечером на дачу, до трёх часов ночи, включив свет на двух этажах и вооружившись мощным рыбацким фонарём, который когда-то подарил мне дядя Гена, я искал красную тетрадь с продолжением истории. Искал с остервенением, как, быть может, пьяница разыскивает спрятанную бутылку. В ту ночь я был так же неадекватен, как любой зависимый. Мне нужно было во что бы то ни стало именно сейчас узнать продолжение истории, погрузиться в неё, читать и читать, пока не придёт рассвет.

Но красной тетради нигде не было. Пот выступил на лбу, и мне стоило бы остановиться, задуматься и понять, что этой тетради в домике просто нет. Да и вообще, кто знает, Звягинцев обещал начать новые записи, но на деле его закружили стариковские дела, вот эти все бесконечные рецепты, звёзды и блюда из капусты, и он так и не начал писать новую тетрадь. Или не успел завершить, а может, и написал, а потом сжёг. Впрочем, если сжигать, так обе тетради, одна-то уцелела и теперь лежала рядом с торшером.

Я нервничал, понимая, что продолжения этой истории мне просто не узнать. Его нет. Как, скорее всего, нет и никакого будущего между мной и Таней. Всё устроено так, как устроено. Не мы придумали, не нам менять. Это в книгах каждая история имеет начало и конец. В книгах случаются странные совпадения, люди влюбляются внезапно, дрожат от страсти друг к другу. А в жизни мы сидим в темноте, одни в ожидании рассвета и нового дня. И верим, что этот день будет лучшим и что-то обязательно принесёт. Да, именно так. Мы воспринимаем новый день, как послушную собачку, нашу служку, обязанную принести нам счастье, как тапочки в зубах, и обижаемся, видя и понимая, что это вовсе не так.

Второй, этой самой красной тетради не было. Не было, и всё.

Я не смог уснуть, и хотя бы в этом нашёл утешение. Есть что-то особенное, чарующее в июльских ночах, особенно между тремя и пятью часами. Это — самое неповторимое время. Оно такое же хорошее, как и в начале лета, о чём писал Звягинцев. Но всё же середка лета иная. Другие запахи, природа. Я стоял и курил, глядя на дымку, что поднималась над Воронежским водохранилищем. И впервые ощутил, будто я не один. Показалось, где-то там, на самой середине воды, сидит одинокий старый человек в лодке.

Да, это он, дядя Гена... будто и не умирал. Каждое утро он в туманной дымке по-прежнему выплывает на рыбалку и сидит там, в тиши и холоде, ловит карасей и линей, и едва можно различить золотой блеск чешуи. Дядя Гена отправляется туда каждое утро с тех пор, как ушёл в вечность, и чтобы увидеть его, надо или не ложиться, или встать очень рано, настроив сердце и душу на особую волну. И я различил, как дядя Гена, забросив в лодку увесистый садок и убрав снасти, грёб навстречу мне. Работал вёслами крепко и уверенно, то исчезал, то появлялся опять...

Я докурил, затушив окурок о землю, и распрямылся.

Что будет дальше, что имею теперь? Господи, спасибо за то, что есть. За то, что прошёл и увидел. Много глупостей совершил, да. Но, может, впереди будет дано пережить что-то настолько важное, что удастся забыть плохое и всё исправить.

Я покинул домик, который казался душным. Улыбался и шёл вдоль туманного берега водохранилища. В белесой дымке я видел тень рыбака в соломенной шляпе, он правил лодкой и пел старые, неведомые мне песни о вере, жизни и любви...

6

Лето, как и всегда это бывает, устремляло бег, уследить за которым было так трудно. Сначала оно летело вперёд и смеялось, но потом, будто догнав вершины огромной радуги, встопорившись понеслось вниз. Это было особенно заметно мне как человеку, который после покупки дачи хоть немного, но приблизился к природе.

В один из таких дней я наконец-то, отказавшись от других дел, поехал на экскурсию "Воронеж пешком", хотя и понимал, что в такую непогоду послушать о прошлом нашего города, скорее всего, соберутся немногие. Я удивился, увидев перед кукольным театром группу человек из двадцати — в основном, молодых людей, возможно, студентов. В стороне от них курил оператор телевидения. Я бегло заглядывал в лица стоящих под зонтами людей и, конечно же, искал среди них Таню. С момента той встречи мы пересекались несколько раз, но эти недолгие минуты нельзя было назвать общением. Собственно, понимание того, что я могу вообще потерять с ней контакты, мысль, что девушка забудет меня, и привели меня в этот день сюда, а вовсе не интерес к краеведению.

— Большую Дворянскую, которая сейчас называется проспект Революции, гости нашего города недаром сравнивают с Невским проспектом Петербурга, — Ольга Фадеевна общалась с журналистами. — Сегодня мы по-новому посмотрим на наш город. Он уникальный. Достаточно просто ходить по Воронежу, рассказывать о том, что видим, и будет интересно. У нас очень красивый город, просто мы в череде будней как-то не замечаем этого. Наши экскурсии иногда называют неформальными, и это абсолютно верно. Я считаю, что надо дать как можно меньше цифр и как можно больше впечатлений, самой истории, её тайн, неожиданностей.

Девушка-репортёр держала перед лицом Ольги Фадеевны мохнатый микрофон, который уже порядком набух от дождя и напоминал мокрого ёжика. Я подумал: и почему все тележурналистки так любят кивать в такт словам, будто китайские болванчики?

— С Большой Дворянской раскрывается дверь в прошлое, здесь есть немало порталов, благодаря которым можно окунуться на сто и более лет назад, — продолжала краевед. — Я думаю, что историю можно понять не столько через какие-либо масштабные события, а просто внимательно разглядывая бытовые мелочи, отдельные судьбы. К сожалению, многое исчезло из-за войны или погребено под новой застройкой, но мы стараемся оживить прошлое. Кстати!

Ольга Фадеевна улыбнулась, оглянувшись на группу молодых людей. Желающих послушать об истории Воронежа прибавлялось, погода никого не пугала:

— На наших экскурсиях люди часто находят новых знакомых, единомышленников, а иногда даже вторые половинки. Многие потом начинают серьёзно увлекаться краеведением.

“Находят — молодцы, — подумал я. — Только Тани как не было, так и нет”.

Кто-то осторожно, едва заметно тронул меня, будто маленькая птичка села на плечо и тут же вспорхнула к дождливому небу. Я вздрогнул и обернулся. Таня улыбалась, её губы напоминали алый полумесяц, и я вновь столкнулся с её тёмными, похожими на бусинки глазами. Её волосы сильно намокли.

— Так спешила, боялась опоздать, что про зонтик не вспомнила, — зазвенел ручей её голоса. — Недаром мама меня всегда называет Танюшка-копушка.

Мне захотелось обнять её, но я удержался. Я не смог скрыть радости, что она здесь, и Таня это поняла, немного засмутившись моего взгляда. Мы смотрели друг на друга, и я не знал, что стоит сказать, и нужно ли вообще говорить.

Тележурналисты, как всегда, “отстрелялись” довольно быстро и, поснимав любителей краеведения с разных ракурсов, уехали. Мы стояли плотной группой, словно на митинге, прижавшись плечами, и те, у кого не было зонтика, жались к тем, у кого был, причём большинство друг друга не знали. Что-то объединяло всех нас, и это не просто чувствовалось, а выглядело просто и естественно. Я снял куртку и укрыл Танины плечи, она отказывалась, говоря, что в одной рубашке я быстро простужусь, и мне ничего не оставалось, как отшучиваться и заверять, что на свете нет более закалённого человека, чем я. Мы двигались в сторону памятника Никитину.

— Наш город сильно пострадал в годы войны, и, на мой взгляд, этому есть объяснение, — рассказывала Ольга Фадеевна. — В Москве не ожидали нападения Гитлера на Воронеж. Сталин полагал, что враг пойдёт или на столицу, или в южном направлении — к нефти. Поэтому город оказался просто не готов к вторжению. Именно здесь, где мы находимся, произошла трагедия. Территория рядом с гостиницей “Бристоль” после революции стала Садам пионеров — здесь появились фонтаны, лавочки. В июне после окончания школ лучших детей Воронежа собрали именно здесь. Планировалось награждение, пришло и много взрослых порадоваться за успехи своих чад. Я не знаю, каким словом можно назвать ответственных лиц того времени, организаторов, но именно в тот день немцы стали бомбить город. И сюда попали бомбы. Я не буду подробно об этом рассказывать, любой фильм-катастрофа по сравнению с тем, что здесь было, — просто нелепая выдумка. Теперь на этом месте каждый год в день трагедии собираются люди, и приходит одна старушка... у неё нет половины лица. Она вместе с сестрёнкой бежала сюда на праздник.

Затем Ольга Фадеевна рассказывала, как менялись границы Кольцовского сквера, о памятниках-“путешественниках” в центре города — оказывается, монументальный поэт Иван Никитин не всегда привычно “сидел” в своей сосредоточенной позе на одном месте, а не раз перемещался. Таня спряталась под зонтом экскурсовода, и, стараясь укрыть от капель большую папку, слегка дрожащими пальцами доставала из неё старые фото и репродукции. Девушка напоминала маленького воробушка, доброго, нахохленного и немного смешного. Видя, что дождь не утихает, Ольга Фадеевна предложила перейти в летнее кафе, а заодно и согреться горячим чаем. Она продолжила рассказ о самом сложном времени для Воронежа, о том, как немцы устраивали захоронения в городских садах, добавив, что после войны останки как врагов, так и советских людей откопали и вывезли на кладбища. Одну тему сменяла другая, и каждое новое слово звало в прошлое, заставляя задуматься, насколько правильно мы живём, сохраняем ли наследие.

Во время экскурсии я не отрывал глаз от Тани, боясь, что она уйдёт раньше, растворится, исчезнет среди людей. И потому, как только встреча завершилась, я предложил подвезти её до дома.

— Мне так неудобно просить вас, — сказала она.

— Таня, ты забыла, мы же перешли на “ты”, — сказал я и подумал, что нет ничего чище и прекрасней, чем общение с такой девушкой на “вы”. И всё же это “вы”, хотя и отдавало романтикой прошлых веков, совсем не помогало сближению. — Таня, я и правда боюсь, что ты заболеешь, поэтому никаких отговорок. Едем. К тому же мне...

— Очень надо в мой район, — засмеялась она. — Не говори глупостей, я же вижу, ты совсем не умеешь врать.

“Ах, если бы так”, — подумал я и улыбнулся.

Воронеж из-за дождя стоял в пробках, и я увидел в этом прекрасный повод полюбить их. Быть с девушкой, слушающей тихий шум дождя, смотреть, как плавно бегают из стороны в сторону “дворники”... сидеть почти плечом к плечу, видеть, как от её дыхания запотевают окна, и она что-то пишет на стекле или рисует, тут же стирая, чтобы не мог увидеть я... Да это же настоящее свидание, близкое, интимное, хотя сразу понять это и нельзя. Вот он — огромный шумный город, люди бегут, укрываясь кто чем может, жмутся друг к другу на автобусных остановках, создавая там небольшие, случайные, быстро исчезающие микромиры. Незнакомые люди не чувствуют стеснения, ругают погоду, спрашивают друг у друга, давно ли был автобус. Они там, в стихии городского дождя, тоже едины по-своему. А мы — в прогретом салоне, сидим, словно у камина, отстранённые от всего этого, и есть только я и она. На время, конечно. Наше единство так же быстротечно, как ручеёк, что стекает с журчанием по наклону улицы. Но этот скромный мирок двух людей тонок, уютен и тем дорог, что скоро будет потерян.

Я посмотрел на Таню и был рад, что в этот миг она отвернулась и не видела, а лишь чувствовала моё внимание. Черты её лица расплывчато отражались в стекле, и белые волосы напоминали воск. Хотелось протянуть руку, слегка тронув её подбородок, мягко позвать к себе и поцеловать. Никогда и ничего раньше мне не хотелось сильнее этого. Хотя, если бы я правда так поступил, то миг нашей близости и моего счастья продлился бы всего долю секунды. Но в это мгновение над вереницей серых мокрых машин вошла бы радуга, и наш автомобиль засиял бы в пробке, будто маленькая жемчужина среди холодных камней. Но я знал, что плата за этот шаг может быть, а вернее, обязательно станет слишком высокой. Она вскрикнет, затем откроет дверь, спасаясь от моей внезапной и потому пугающей нежности, и выбежит туда, где ветер и дождь, оставив меня навсегда в этой тёплой пустоте салона, которая быстро утратит память о ней, упустит запах её духов. Даже если и я тоже выбегу за ней, оставив машину прямо посреди дороги, не обращая внимания на сигналы и крики, брошусь вслед, это ничего не изменит.

Потому я только молчал. Моя страсть тонула, шла на дно в океане нерешительности. Но я знал, что поступил правильно, погасив эту страсть, потому что именно здесь, именно с этой девушкой я не мог себе позволить такой риск. Что будет, если она не поймёт, отвернётся от меня, навсегда закрыв путь к душе?.. Тогда и весь мой мирок, который я выстраивал годами, все мои рыбалки, дача, мысли о творчестве померкнут, превратятся в гору хлама, который будет меня лишь тяготить. Я не мог объяснить, почему случилось так, но именно эта беленькая Таня, которая была младше меня, сумела, совершенно ничего не делая, стать главной для меня в этом мире. Даже и не подозревая того, Таня вошла в ядро моего сердца, и если она уйдёт, рухнет всё. Я удивился тому, что это так, и принял навсегда как истину.

Да, вот же чёрт, усмехнулся я. Хочешь поцеловать девушку, а даже и не знаешь ничего о ней. Нужно было о чём-то поговорить, мне просто хотелось услышать её голос. Она спросила:

— Серёжа, а не кажется ли тебе странным, что мы едем сейчас, хотя могли бы и совсем быть незнакомы...

— Я как раз думал об этом.

— Честно? — она посмотрела на меня, но пробка тронулась, и я вынужден был отвести глаза на дорогу.

Она помолчала:

— Год какой-то интересный у меня, столько событий, встреч, людей. А у тебя в этом году было ли что-то необычное?

Хотелось сказать: “Да, например, встретил тебя!” Но опять задушил порыв. Эх, какая-то сила учила меня не спешить.

— Хочу рассказать тебе интересную историю, — сказал я. — Весной я купил дачу и нашёл там любопытную тетрадь.

Я пересказал Тани воспоминания Звягинцева.

— А дальше, что же дальше? — кажется, я даже взволновал её.

— А ничего, Таня, совсем ничего.

Она удивилась:

— Как же так?

— Николай Звягинцев написал, что есть тетрадь с продолжением, и даже указал, что она красного цвета. Но я её так и не нашёл. Всё, абсолютно всё в домике перевернул с ног на уши, и на чердаке смотрел, даже под половицами — нигде нет.

— Так не бывает, — сказала она грустно. — Где же справедливость? Это же целая история.

“Бывает, Таня, очень даже бывает, — подумал я, не сказав это вслух. — Жизнь — это не сюжет кинофильма, где всё завершено, логично, и так красиво, что не веришь, хотя всё равно продолжаешь смотреть на экран. А на деле вся жизнь — это сплошной клубок незавершённости, недосказанности и, конечно же, несправедливости”.

Мы выбрались из плотного потока машин, впереди показался Вогрэсовский мост, и заторов впереди не было. Я подумал, как мало времени нам осталось быть вдвоём. Хотя ведь мы совсем и не общались, почти не знакомы, но меня тянет неведомая сила, которая вовсе не опирается на разум. Ведь не краеведческие походы и интерес к прошлому могут нас объединить. Я могу их разве что использовать для того, чтобы быть рядом с ней. И ничего больше не надо.

Мы быстро добрались до её дома. Из-за огромных луж Таня с трудом вышла, а точнее, выпрыгнула из машины, стараясь не замочить ног. Но она обернулась и вновь вернулась, словно что-то забыла.

— Серёжа, я хотела попросить, — её щеки покраснели. — Только мне так неудобно. Просто в Воронеже у меня совсем никого нет...

Помочь в чём-то — это самое лучшее и нужное, что она может только предложить. Будто сама судьба выводила нас на новую дорогу в отношениях.

— Да всё, что угодно, Таня, я всегда готов.

— Дело в том, — начала она и замолчала, потупив взор. — Я говорила, что люблю старинные куклы, они для меня... не просто увлечение, а значат гораздо больше.

— Я понимаю.

— Только не смейся, ладно?

— Где ты видишь, чтобы я смеялся?

Она улыбнулась:

— Купить антикварную куклу непросто, тем более мне. Ведь я даже ещё не студентка, нигде не работаю, да и снимать комнату мне помогают родители, пока я не поступлю и не переберусь в общежитие. Но я постоянно ищу, слежу за сайтами и объявлениями, и вот мне попалась случайно одна замечательная дореволюционная кукла. Правда, она в плохом состоянии, но это ничего не значит. Я знаю, что смогу её восстановить сама.

— Я помогу тебе её купить.

— Нет-нет, дело не в этом, деньги у меня есть. Но Богучар, где она находится, так далеко отсюда. Я смотрела по карте, это самый край области, и поехать туда одной на автобусе мне не то что неудобно, а как-то даже... страшновато.

— И не надо на автобусе, что за глупости. У тебя же есть ответственный персональный водитель, пусть на простой, но исправной машине, — я улыбался.

— Брось шутить. Ты правда сможешь?

— Конечно!

— Ой, я так рада! — слова слетали с губ, как мягкие нежные перья. — Я оплачу бензин, если мы поедем.

— Не бери в голову. У меня много бензина.

— Нет, но всё же...

— Оставим тему горючего. Когда надо ехать?

— Да когда будет удобно.

— Можно подумать о субботе, туда и обратно всё-таки нужен день, и лучше бы выбрать ясный, без дождя.

— Конечно! Я уже посмотрела прогноз погоды — в выходные будет тепло и солнечно.

— Да, ты хорошо подготовилась.

— Ещё бы. Для меня эта кукла не просто важна. Я даже боюсь, что кто-то опередит меня и купит её.

— Не волнуйся, всё будет хорошо.

— Я уже звонила, хозяйка куклы обещала, что не продаст, но только при условии, что я приеду как можно скорее.

“Вряд ли в Воронежской области есть ажиотаж на старинные потрёпанные куклы”, — подумал, но не сказал я, боясь её обидеть.

— Таня, можешь во всём на меня рассчитывать, во всём.

— Спасибо! — она была так рада и, кажется, захотела меня обнять, но поменяла неловкость ситуации.

— Беги домой и суши вещи, грей ноги! А то, не дай бог, заболешь, и твоя кукла будет по тебе плакать.

— Ни за что! — засмеялась Таня и слегка сжала мою руку на прощание. Я проводил её взглядом, пока она не скрылась в подъезде. Чудесная девушка! Может, подумалось, я и правда сделал в жизни что-то хорошее, раз судьба послала мне её.

Дождь стих, дороги в городе обдул тёплый ветер, так что от непогоды не осталось и следа. Я ехал, думая, чем заняться, и не сразу услышал телефон. Может, Таня забыла ещё что-то сказать?

Звонила мама.

— Слушай, ты на машине? Можешь сегодня съездить в гараж? — попросила она. — Там погреб надо почистить, достать и выбросить старую картошку.

Я удивился — подобными делами всегда занимался отец, и не хотел никого обременять. Гараж был его любимым местом, куда он никого не пускал.

— Ты знаешь, я вообще не хотела говорить по телефону, — голос мамы насторожил. Я ехал, продолжая говорить, но на этих словах припарковался у остановки. — Отец жалуется на головокружение и боли. И говорит, что они стали постоянными. Недавно он был в гараже и чуть с лестницы не упал в погреб, представляешь! Потому он его и не почистил. И сейчас хочет ехать снова, а я его отговариваю.

— Мам, не пускай его! Я прямо сейчас заеду за ключами.

Отец ушёл в магазин, мама была дома одна, сильно расстроенная.

— Нужно в больницу идти, провести обследование, с этим не шутят! — сказал я. Она кивала, но говорила, что он не хочет.

— Дело серьёзное, надо всё-таки настоять, — убеждал я.

— Вот вернётся, я с ним ещё раз, конечно, поговорю.

Я доехал до гаража. Очистка заняла около получаса, и, выбравшись на свет, я увидел, как сильно испачкал в картофельной гнили джинсы. У меня, как у порядочного холостяка, это были единственные штаны на все случаи жизни, так что вечером меня ждала ещё и стирка. Я закурил, облокотившись на верстак. Щёлкнув зажигалкой, на мгновение различил в дальнем углу картонную коробку, показавшуюся мне знакомой. Хотя мало ли бывает на свете коробок, бог с ней, пусть стоит, думал я. Мне вспомнился тот день, один из самых, наверное, лучших в уходящем лете, и как мы с отцом ловили рыбу. Со временем я, скорее всего, вообще забуду всё это лето, но какие-то крошечные, самые милые и дорогие сердцу детали обязательно возьму с собой.

Да, коробка... Я застыл... А не та ли эта, которая была с мусором, книгами... Точно, она. С томами по истории КПСС, про Брежнева и всё такое. Я же сам попросил тогда отца выбросить её. А он, старый куркуль, решил сохранить, видимо, для розжига.

А может быть?..

Я выбросил окурок, и, подняв коробку, вышел с ней из гаража. Бегло просмотрев, я не нашёл ничего, кроме книг с красными звездами и гротескными портретами вождей разных лет. Я выкладывал эти книги прямо на влажную траву, и маленькая искорка надежды таяла, чем ближе я приближался ко дну большой коробки. Нет, здесь не оказалось второй тетради Звягинцева. Да он, может, и вовсе не успел или не захотел за неё браться.

Нет, только потрёпанные идейные книги. Ничего больше. Я стал их складывать обратно, бросая как попало и думая, что отцу их хватит на расшоску на одного мангала. Особенно вот этого тома. Хотя стоп! Эта книга хорошая — большая энциклопедия “Вторая мировая война. Итоги и уроки”. Её следует оставить.

Перевернув книгу боком, я увидел, что в середине между страниц зажато что-то. Открыв её, я обнаружил там красную тетрадь на восемьдесят листов! Поверить было трудно, но разбухший том об истории войны вот так, чудесно и необычно сохранил ещё одну интересную историю о том времени. Обложка, несмотря на прошедшие годы, не выцвела, сохраняя яркий алый цвет, словно костёр, который так долго горел в одиночестве и, наконец, увидел случайного, но такого долгожданного путника. Я невольно вскрикнул и поцеловал яркую обложку.

Но вдруг... это вовсе и не она? Что-то иное? Не может же быть такой удачи! Я отошёл к берёзам, увидев там широкий пенёк и открыл первую страницу.

Да, это было продолжение воспоминаний Звягинцева. И речь там шла о том, как он попал в Орловскую психиатрическую больницу. Он подробно описывал “коллег по несчастью”. Его попытки доказать, что он здоров, закончились тем, что ему назначили курс инсулиношоковой терапии, под воздействием которой он постепенно утрачивал волю.

7

Вечер опустился на землю, и гаражи в сумерках казались огромными мёртвыми коробками, в тишине их железного мира стало неудобно. Я пошёл закрывать гараж. Большой рыжий кот сидел у входа и смотрел наглыми и одновременно требовательными глазами. покормить его мне было нечем, и он, сам быстро поняв это, убежал. Когда закрывал дверь, в кармане завибрировал телефон, и я подумал, что это мама хочет узнать, всё ли в порядке. Но на экране высветилось “Витя Малуха”. Я удивился: мы созванивались редко, даже не помню, когда в последний раз. Вспомнилось, как недавно курили, без слов понимая друг друга. Мы и потом виделись каждый день в редакции, только он стал таким молчаливым и замкнутым, что я его не замечал.

— Серёг, привет, — прохрипел он в трубку. — Это я, узнал? Как дела?

— Да всё в порядке. А у тебя?

— Старик, можешь выручить?

— Что такое?

— Да понимаешь, ситуация... Позарез нужны две тысячи рублей, а лучше три. Срочно, кровь из носа нужно достать. Я бы никогда не стал обращаться, мне неудобно, но понимаешь — надо. Я очень скоро отдам, с аванса.

Я не любил таких просьб. Если бы мы были друзьями, иное дело.

— Витя, извини, нет, никак не могу выручить. У самого знаешь, тоже, — я что-то ещё добавил о каких-то проблемах.

— Понял, пока, что ж теперь, — ответил он. — Я завтра не смогу быть в редакции, Юльке тогда передай.

— Ладно, передам, — сказал я, подумав, почему бы ему самому ей не позвонить.

Я уехал на дачу. Приготовив что-то поесть, замочил джинсы, наметав туда мыльной пены — порошка не было. Занять себя было нечем, но и читать тетрадь, которую так хотел найти, почему-то пока не хотелось. Раздетый, я прилёг на кровать, взяв тетрадку. В эту минуту я думал о Тане и нашем разговоре, о предстоящей в выходные поездке. Таня, кстати, говорила,

что будет несправедливо, если тетрадь не отыщется. Будто знала, а точнее, верила, считая её находку чем-то правильным, неизбежным и справедливым. Твоя правда победила, Танюша, умная хорошая девушка. Я нашёл страницу, на которой закончил чтение.

Я прочёл, как Николай Звягинцев, находясь в психиатрической клинике, узнаёт о начале войны с Германией и не придаёт этому большого значения. Он по-прежнему подавлен лекарствами...

Признаться честно, я ждал дня, когда нам предстояло ехать с Таней в Богучар. Я подумал, что она, при всей внешней скромности и миловидности, всё же бесстрашная девушка. Или, может, просто без опыта. Вряд ли бы её родители обрадовались, узнав, что дочь едет на самый край Воронежской области, почти за три сотни километров ради какой-то старой куклы, да ещё с человеком, которого едва знает. Мало ли что может прийти в мою голову по дороге?

Конечно, она мне доверяла, а это значило многое. Очень многое... для меня. Я слышал такую восточную поговорку, что двух людей разделяют десять шагов. И, чтобы им сблизиться, каждый должен сделать свои пять. И если ты их прошёл, а человек остался на месте, значит, не стоит терять времени. Это не твоя судьба. Так вот, не знаю, сколько шагов уже успел сделать я, но Таня, как представлялось, доверившись мне, первый сделала точно.

Я обещал заехать именно в восемь, но, оставив попытки уснуть, завёл машину намного раньше. Заправив у Северного моста полный бак, я плавно ехал на левый берег, открыв форточку, прохладный ветерок пел о чём-то. Воздух даже в городе в ранний час, когда солнце только поднимается, казался особенным, чистым.

Ждал у подъезда, и, наконец, появилась Таня — в джинсах и лёгкой кофточке без рукавов. До машины она шла всего пару шагов, но по белым плечикам уже бежали мурашки, она ёжилась:

— Вечно вы, молодёжь, модничаете, — сказал я Тане.

Садясь в салон, она рассмеялась:

— Днём жарко будет.

— А это что у тебя там такое? — я указал на туристическую сумку. — Чехол для куколки такой?

— Да брось ты! — ей не нравились, видимо, любые шутки о куклах. — Там бутерброды, чай в дорогу для нас с тобой. Ты же, наверное, ничего не взял.

— Нет.

— Вот видишь. Вечно на вас, мужчин, рассчитывать не приходится.

— Так ты и на меня бутербродов взяла?

— Ну, конечно!

— Значит, на меня рассчитала! — я дотронулся до её плеча, пока переключала сумку на заднее сидение. — Вот так и в будущем. Всегда, когда что делаешь, на мою долю тоже рассчитывай!

Утром в субботу машин не так много, как в будни, поэтому мы уже через полчаса выехали на трассу. Замелькали пригородные посёлки, заправки, киоски, позже — деревеньки и длинные полоски огородов с картофелем. Их сменяли берёзовые посадки, желтеющая пшеница, стоящие в рост, как солдаты, подсолнечник с кукурузой. Мы долго молчали. Таня, как мне показалось, даже задремала. Может, она тоже не могла уснуть, представляя нашу поездку, и думала, мечтала о чём-то таком... похожем и на мои мечты. Так пусть поспит, улыбнулся, подумав, я. Лишь бы мне самому не уйти в дрему на скорости.

Я крепче взялся за руль.

— Серёж, ты хорошо себя чувствуешь? — спросила Таня. Нет, она не спала, и, похоже, умела чувствовать, понимать мои мысли.

— Нет, всё отлично!

— Мне показалось просто, что ты не выпался.

— Я проспал. А вообще, когда мыс отцом ездим на рыбалку, то всегда рассказываем друг другу разные истории, чтобы не было дрёмы. Может быть, ты расскажешь, почему так любишь куклы?

— Тебе это интересно, или чтобы не уснуть?

— Нет, ты не так меня поняла.

— Да всё в порядке, — её смех прозвучал тихим ручейком. Я понял, что люблю слушать его больше, чем слова. — Куклы я собираю давно. Именно собираю, слово “коллекционирую” я очень не люблю. Оно, это слово, какое-то неживое, а куклы имеют душу, понимаешь? Их можно только собирать, как родственников на праздник. Я, когда возвращаюсь и смотрю на своих кукол у себя дома в Добринке, так и говорю: ну что ж, вся семья, наконец-то, в сборе. Искать куклы — это такая же страсть, как охота, рыбалка у мужчин, я так думаю. Но сравнивать вообще трудно, ведь мир кукол особенный. Даже такое понятие есть в учёных кругах — плангонология. Это и есть собирание кукол.

— Плангонология, — произнёс я по буквам, подумал, что звучит как наука о болезни глотки, вызванная курением наркотиков. Но, конечно, своим первым впечатлением от слова не поделился.

— Ну же, продолжай, — сказал я, — мне правда интересно.

— Так вот, у меня с детства было много кукол, и для них всех я всегда была самой хорошей мамой, любила и заботилась обо всех с одинаковой преданностью. Шила для них одежду, шляпки, и у каждой куклолки был свой гардероб, — она снова засмеялась именно так, как мне особенно нравилось. — Я портила мамины отрезки ради этого, но она никогда не ругалась, хотя я даже тогда знала, как она ценила эти материалы в то непростое время. У каждой моей куклы есть имя, — она помолчала. — Но все они остались там, дома, в посёлке, и я по ним сильно скучаю. Будто там осталась вместе с ними какая-то очень большая и значимая часть меня, самая лучшая и светлая, наверное, часть... Вот и сегодня мне почему-то приснилась кукла Вера, только она была живой девочкой, она смотрела на меня как-то грустно, расчёсывала мне волосы и о чём-то пела. Это особая кукла семидесятых годов, её выпускали на московской фабрике “8 Марта”. Кукла Вера будто хотела мне что-то сказать.

— Наверное, чтобы ты была внимательнее в поездке, — засмеялся я.

— Может быть.

— Давай-ка ещё расскажи что-нибудь.

— Про куклы?

— Можно и про них.

— Ну, чтобы ещё такое рассказать... Знаешь, иногда думаю, что со временем я напишу книгу о куклах. И в ней расскажу всё, что знаю и что чувствую. Ведь подумай, кукла — это, скорее всего, один из самых древних предметов, который появился у человека. Думаю, первобытные люди создали первых куколок тогда же, когда освоили палку и камень. И для них куклы были не игрушками, а предметами культовыми, магическими.

— Да, куклы вуду, например.

— И это тоже, хотя я не люблю о них говорить. Ещё я терпеть не могу фильмы ужасов, где показывают страшных кукол, которые представлены в крови, в злости, как убийцы.

— Сейчас вспомню фильм моего детства... кукла Чаки, вот. Знатный такой садога с ножичком. Целая серия ужастиков.

— Серёж, правда, давай не будем об этом, я очень не люблю!

— Конечно, извини, это я так. Продолжай.

— Это всё чушь, бездарная и вредная. Я видела много-много кукол, посещала выставки и поняла, что у каждой из них своя особая, весёлая или грустная история, судьба. Но у всех у них, вне зависимости от прошлого и пройденных испытаний, добрые души. Куклы — самые открытые существа на свете. Но и у них есть характер, порой твёрдый, своенравный. Я заметила, что не каждая кукла хочет быть купленной. Мне об этом рассказывали собиратели кукол, да я и сама замечала, что порой по самым нелепым причинам мне не удавалось купить куклу. Или я застревала, или автобус ломался, или ещё что-то.

— А вот об этом даже говорить не стоит, я тоже суеверный. Мало ли, может, эта твоя кукла в Богучаре покупаться не хочет и теперь насылает на нашу машину чары.

И вдруг, сразу после моих слов, автомобиль стало подёргивать. Обычно такое бывает, если залить плохой бензин, но я вроде бы заправлялся в проверенном месте, где и всегда.

— Попроси мысленно свою куклу, чтобы она проявила милость, — сказал я. Машина вроде бы пошла ровно. — Кстати, а что это за кукла?

— На сайте объявлений снимок не очень хорошего качества, но видно, что она старая, точно дореволюционная. Мне кажется, что хозяйка её не понимает, какая настоящая цена этой куклы. Намного выше указанной. Наверное, с этой куклой играло не одно поколение детей, но потом она попала на чердак, и о ней надолго забыли. Я так чувствую. Она заброшена, но раньше её любили.

— Тебе надо пробовать себя в литературе, Таня. Ты, имея неизвестный предмет, умеешь придумать для него красивую историю, легенду. Нет, я не смеюсь, это на самом деле здорово.

— Спасибо. Может, ты прав. Я и правда с самого детства оживляю кукол в воображении, они наполняют мой внутренний мир, привнося то, чего мне так не хватает.

“Любви, чёрт возьми”, — почему-то захотел сказать, но не сказал я.

— Куклы легко могут сгладить чувство одиночества, помочь заполнить мир вокруг смыслами в минуту, когда кажется, что он пустой и ничтожный.

— У тебя часто бывает ощущение... одиночества? — спросил я.

— Серёж, лучше не спрашивай! У тебя разве нет?

Я кивнул.

— Вот видишь. Каждый человек по-своему одинок, поэтому ищет способы, как преодолеть трудности, тревоги. Мне в этом помогают мои куклы.

— Я тебя понял, честно, — ответил я. — Но если так, почему ты сказала, что из родного дома в посёлке ты не взяла в Воронеж ни одной куклы? Ведь они тебе так дороги и так помогают.

Кажется, мой вопрос озадачил её. Ответа долго не было:

— Наверно, потому... Знаешь, — она повторила эти слова несколько раз. — Решение уехать я приняла далеко не сразу и не просто, и родные меня в этом совсем не поддерживали. И этот шаг стал для меня важным. Моё прошлое осталось там. Чтобы оно не звало меня назад, не рвало бессмысленно душу, я и не стала брать из дома ничего, что люблю. Особенно кукол. Мне легче приехать домой на денёк, ведь Добринка не так и далеко от Воронежа, повидаться, а потом с лёгкой душой уехать назад, к новой жизни, к проблемам, задачам, надеждам, наконец. Я ведь и уехала ради этой самой надежды. Потому что у нас в посёлке её просто нет. Я получила профобразование, и всё, на что могла рассчитывать — проработать простой швейей всю жизнь.

— Понимаю, — ответил я. — Ты решила покорить столицу Черноземья, а заодно собрать новую коллекцию кукол.

— Коллекция — плохое слово, — снова напомнила она. Я заметил, что за разговорами быстро прошло время, поднялось солнце, и мы миновали развилку с поворотом на город Бобров. — Но есть и ещё одна причина. Воронеж — город большой, здесь столько творческих, увлечённых людей. И я подумала, что можно находить антикварные куклы в плохом состоянии, реставрировать, а затем продавать.

— О, коммерция, коммерция! Наконец-то я услышал о коммерции, а не о душе, и так рад этому! — я ликовал, видя, как краснеют щёки и даже уши Тани, она меняется в лице. — Я говорил тебе, что можешь во всём на меня рассчитывать, так что я в деле. Твой надёжный компаньон. Колесим по региону, а лучше по всему Черноземью, ищем куклы, шьём и вяжем, деньги делим. Я буду водителем. Нет, не звучит. Менеджером по логистике, вот!

— Ну вот, смеёшься, — сказала она. — А мне не смешно. Мама мне не может материально помогать, я же говорила, сейчас за съём комнаты она платит, пока не поступлю. Я просто думаю, как заработать. Но это не значит совсем, что куколку, за которой мы едем, я хочу перепродать. Ты неправильно меня понял.

— Нет, я всё понял. У меня вот друг есть, картины рисует. Вот он долго сопротивлялся, в облаках витал, что его творчество не для продажи, что реальность настоящая — в его воображении, а что мы видим вокруг — лишь продолжение. Что-то такое любил повторять заумное. Так он с возрастом поумнел, стал другим, картины успешно продаёт.

— А творчество?

— В смысле?

— От того, что он смирился с миром и принял его законы, стал другим, он потерял связь с настоящим творчеством? С теми образами, которые были у него раньше на картинах?

— А, вовсе нет, глупости. Он и когда философствовал, рисовал плохо, и потом тоже. Сейчас его мазню в основном покупают для дач и кухонь, что тоже неплохо.

— Печально как-то.

— Да это жизнь, Таня. И поверь, мой друг сегодня умиротворён и по своему счастлив, — сказал я и вновь, как и прежде, почувствовал разницу в возрасте между нами. Она не мешала, но напоминала о себе, будто вонзилась где-то между нами тупой иголкой.

Я сказал после паузы:

— Так что, Таня, поверь, если ты найдёшь куклу, восстановишь и продашь её с выгодой, от этого все будут только счастливы.

Она засмеялась:

— Так уж и все, да ещё и счастливы.

— Ну, если ты мне найдёшь хоть одного опечаленного этим фактом купли-продажи, клянусь покинуть наш с тобой кооператив и уйти в монастырь грехи замаливать.

Странно, но при этих словах из-за крутого взгорка, на который мы так долго взбирались, показались по правую руку вдалеке за речкой кресты какого-то монастыря или храма. Я решил свернуть:

— Делаем пит-стоп, пора пробовать твои бутерброды с чаем.

Уже через пять минут мы сидели на большой лужайке, поджав ноги. Незамысловатые бутерброды с колбасой и листьями салата здесь, на свежем воздухе, казались особенно вкусными, ароматным был и чай с лимоном. Мы сидели с Таней, почти прижимаясь плечами, и, вытянув ноги, молча смотрели, как солнце играет в куполах храма. Я аккуратно сорвал веточку зверобоя — цветки уже почти отцвели, превратившись в плотные корбочки, но часть тёмно-оранжевых лепестков ещё держалась. Я поднёс веточку к носу Тани, сказал, что её волосы чем-то схожи по тону с краской с лепестком зверобоя в августе.

— Неправда, мои волосы совсем другие. Ты дальтоник, что ли?

— Нет, просто мне виднее, чем тебе, — ответил я. — Согласись, ведь мне проще рассмотреть твои волосы, чем тебе самой, потому что я могу взглянуть под разными углами, в том числе увидеть, как в них переливается солнце.

“Или отражается луна, если повезёт увидеть”, — сама по себе вкралась мысль.

— Ну что ж, зверобой, пусть будет зверобой, — после паузы сказала она, слегка наклонив голову ко мне. Я не мог отвести глаз от её белых, как молоко, с разбросанными пятнышками родинок плеч, смотрел на короткие, но красивые ноги, обутые в лёгкие мокасины.

— Нам пора ехать, — сказала она.

Почти до самого Богучара мы молчали. Небольшой, словно разбросанный по долине городок, который вырос перед нами, издали показался совершенно белым, словно все дома выточены из чистейшего мела. Мы без труда нашли дом, я вышел первым и постучал в окно. Таня оставалась в машине, будто стеснялась идти и узнавать про куклу. Мне подумалось, что я сейчас сам быстро куплю за свои деньги, принесу долгожданную игрушку, и мы поедем обратно. Но когда захрустел замок, девушка открыла дверь и побежала по узкой, поросшей подорожником тропинке.

Из двери потянуло жильём — я не знаю, как лучше назвать этот запах, для себя я определил его как “старушечий”. Нет, это был не противный

и сжатый воздух, а какой-то другой, деревенский, такой всегда бывает в сельских домах пожилых одиноких женщин.

— А, сынок, дочка, проходите, проходите! — раздался голос из сенцов. Я прошёл первым и увидел прялку, бочку и другую рухлядь, которую не успел рассмотреть — мы быстро прошли в просторную светлую комнату. Первой в глаза бросилась небольшая белая печь, затем — накрытый ручной работы скатертью круглый стол, божница и зажжённая лампада в углу. Мы стояли в дверях на разноцветном домотканом половичке. Я лучше рассмотрел хозяйку — низенькая и плотная, в большом сером платке и белой кофточке она напоминала гриб-боровик. Удивился, посмотрев на Таню, ведь она говорила, что нашла объявление в интернете. Неужели одинокая бабушка такая продвинутая, или мы просто ошиблись адресом?

— Садитесь, садитесь, вы ведь с дороги, сейчас чай будем пить! — суетилась бабушка.

— Да нам бы куклу увидеть, и мы поедem, — сказал я, но старушка будто и не услышала.

— Меня баба Шура зовут, а вас как? — Мы назвали имена. — Вот и молодцы, садитесь.

За чаем баба Шура взялась рассказывать нам про свою жизнь, порой надолго замолкая, будто и не помнила, что у неё гости. Она вздохнула, переходя к самой печальной, как мне показалось, для неё странице — приходу в Богучар фашистов. При этом она часто меняла тему, и от войны переходила к голодному времени конца сороковых, работе в колхозе, говорила о гибели старшего сына и многом другом. Я стал догадываться, что мы попали вовсе не по адресу, что бабушка долго была одна и потому хочет выговориться, и я аккуратно трогал Таню, пытаюсь подать знак, что нам надо искать способ попроситься и уйти.

Бабушка говорила тихо, её влажные глаза казались прозрачными. Она сторбилась напротив нас, оперев на морщинистую руку круглую голову:

— Что до войны было, так точно и не упомяну. Я с тридцать пятого году. Родилась тут, отец плотником был, в первые дни на фронт ушёл, так и пропал, ни одной весточки не получили, где он и как запропал, до сих пор не знаю. И много таких у нас в Богучаре было, ой, много. Они же все сплошь мужики, работать умели, пахать, сеять, точить-чинить — что угодно, только не воевать. Немцы-то к нам пришли, они все сплошь пристреленные, наученные, там-то, у себя, навоевались. Да и у нас, пока до Воронежа шли, ещё больше заматерели убивать да грабить.

Она помолчала. Тикали ходики, кот спрыгнул с подоконника и юркнул под стол, тёрся о мои ноги пушистым хвостом.

— Страшное было время, ох страшное, — продолжала она. — Помню, до прихода немцев у нас в Богучаре солдаты стояли, и самолёты были, орудия какие-то тоже. Мама моя строила со всеми оборону, меня с собой брала на окопы. У неё большая лопата, а у меня махонькая детская, отец мне до войны сделал снег огребать. Хоть небольшая от меня, а всё равно польза, наберу в ведёрко земли, мать поднимет, ссыпет. С ребятами железо по дворам собирали, всё перерыли, чтобы сдать на танки. Потом-то шесть танков за наш труд построить смогли, вот ведь, значит, хватило как нашего железа. Они в колонне “Воронежский колхозник” были, наши танки эти.

Мне показалось, будто хлопнула калитка. Я прислушался — кто-то ходил по двору.

— Немцы, помню, пришли в июле. Сначала нас бомбили, в мост им нужно было попасть и в нефтебазу. Помню, как мама выбежала с криком из дома, а я за ней тоже рыдала в голос. А нам говорят, мол, собирайте как можно быстрее, что есть ценного, и бегом! Мать пакует, плачет, соль последнюю всю на пол просыпала, стала совочком сгребать. А я что могу сделать, мне всего седьмой годок тогда шёл, я, как умела, помогла, а с собой взяла самое ценное и дорогое — куколку мою. Её, куклу эту, я Галей звала. Она старая уже тогда была, сделана ещё при царе. С ней ещё бабушка моя, по рассказам, играла. Вот Галя и стала моей ценностью, мама кое-как хватала чего-то в сидорок, а я куклу взяла, с тем и ушли.

Я посмотрел на Таню — она достала платок и тихонько утирала слёзы. — Так и шли мы все, много нас было, баб да детей, в той толпе. Пушки гудели, шум, взрывы вдали, земля аж тряслась. Я только потом узнала, что это наши солдаты насмерть с врагом дрались в неравном бою и полегли все, чтобы мы успели уйти, переправиться на другой берег Дона. Вся рота погибла, до единого ради нас.

Баба Шура перекрестилась. Мне показалось, что в окне промелькнула фигура. С улицы послышалось, будто к дому подъехал грузовик. Двигатель заглохли, но слышались голоса. Старушка же ничего не замечала. Она будто была далеко:

— Перецпылили мы Дон, а там дальше ещё тяжелее, ещё горше, слёзы одни. Шли мы долго, продукты скоро вышли, и всю войну только и помню, как сильно хотелось кушать. А когда Богучар наши освободили, вернулись мы и не нашли родного дома. Порушил всё немец. Так и жили в бараке. Мать я почти и не видела, уходила она засветло, а возвращалась, когда мне уж спать пора было. Да я как-то быстро повзрослела, всё сама училась делать. Помню, соберу ей ужинать, и жду, жду, когда придёт. Так и засыпала за столом, а просыпалась почему-то уже на сундуке — кровати не было, я на старом сундуке спала. Она меня туда относила. Потом мама болела, руки у неё высохли, поднять уж ничего не могла. Быстро она на тот свет после войны преставилась, так я и осталась одна на белом свете...

Старушка забылась, словно уснула. Мы боялись что-то сказать. И тут она вздрогнула:

— Да что ж я, старая, всё болтаю и болтаю. Вы чай-то пейте, с жамочками вот, с печеницами, почто же я вас умаяла совсем? Не с кем мне вспоминать, вот я и... Я уж год поди из дома не показываюсь, да и ко мне редко кто заходит, разве что соседка да почтальонша.

Голоса раздавались уже в сенцах, там чем-то гремели, будто спешно хотели навести порядок. Что-то грохнуло, словно обвалилась полка с банками.

— Трудно мы жили, — вновь начала бабушка. — В школу я поздно пошла, с девяти лет только, а всё война. Семилетку окончила уже невестой. Хотя какая я невеста — сирота безродная. Работала счетоводом, из шинели скроила себе курточку, кофточка была из полотна — всё приданое на мне. За труд дали два метра жилья, я тому счастлива была. Вышла замуж, паренька бог послал совестливого, доброго. Васечка. Всю жизнь прожили, всё делили, и вот уж год, как схоронила его. Трёх деток подняли, один погиб....

Дверь скрипнула. Вбежала женщина, посмотрела на нас так, будто просчитывала в голове, кем мы можем быть. Улыбнулась, но взгляд показался тяжёлым, отталкивающим.

— А вот и Лидочка моя, доченька, приехала наконец! А это вот детишки, за куколкой приехали.

— Ах да, да, — сказала женщина, отыскивая что-то у печи. Потом она отдала куклу Тане, сказав шёпотом:

— Вы бабушку особенно не слушайте, она так может до самой ночи рассказывать и рассказывать.

— Ничего-ничего, — ответил я.

Таня положила куклу на колени, гладила её маленькую круглую голову, словно ласкала позабытого обиженного ребёнка. Платище на кукле было рваное, словно её нашли на помойке.

— А я вот в Воронеж теперь перебираюсь, буду у дочки жить, — продолжала баба Шура. — Дом уж продала, да и всё, что есть, тоже быстро распродаём. Я ведь хотела всё с собой взять, а Лидочка говорит, не надо, там, в городе, всё есть, да и хранить моё добро негде. И молодец, быстро всё продаёт. Говорят, в этих телефонах сейчас покупателей сразу находят.

— А как же вы, баба Шура, — впервые подала голос Таня, — с куклой такой расстаетесь? Она же, получается, единственная память, всю войну вы вместе прошли...

— Да брось, дочка, мне ли на старости лет с куклой возиться? — засмеялась она. — Да я про неё и позабыла вовсе, а Лида, хлам разбирая, нашла. Я ей говорю, мол, отдай какой-нибудь девочке тут, в Богучаре, много

их тут бегает и по нашей улице, а та отвечает, что кукла старинная и цену имеет. Ну, раз так, что ж. Да вот и вы приехали, значит, права дочка-то.

— Выходит, вам она не нужна? — вновь спросила Таня, будто искала твёрдое оправдание, почему она может стать новой хозяйкой куклы Гали.

— Да не смейся ты, дочка! Бери себе. А детки у вас родятся, — бабушка, видно, приняла нас за молодую пару. У меня внутри что-то дрогнуло, а Таня покраснела, потупив взор. — Вот и они тоже поиграют. Сколько поколений хороших людей эту куклу держали, пускай их тепло и дальше передаётся, — она помолчала. — А знаете что, детки мои...

Бабушка привстала и наклонилась к нам:

— Сейчас тут такой шум-гам начнётся, диваны и мебель понесут. Так что вы лучше поезжайте-ка, милые, побыстрее домой, да и путь вам неблизкий. И куколку мою, Гальку, берите. А денежек мне за неё не надоть.

Таня резко закачала головой, стала искать кошелёк, быстро нашла пяти тысячную купюру.

— Убери, не обижай старуху, — сказала баба Шура и пошла к иконам. Долго крестилась, глядя то ли на образа, то ли на семейный портрет с мужем, на фото сына, которое висело рядом. Она то ли плакала, то ли что-то шептала или пела. Я видел лишь сторбленную спину да огонёк лампадки. Да, звук больше напоминал именно старинную духовную песню, где наверняка были самые заветные слова благодарности Богу за прожитые годы, воспоминания о земле, о людях, о бедах и радостях. И пела будто не бабушка, а её душа, которая просталась с домом, смиренно принимая то, что умереть придётся далеко от родных мест.

Дочь ругалась с грузчиками во дворе и теперь вбежала в дом. Двое нетрезвых мужиков стали примеряться к дивану, матерясь вполголоса. Дочь подошла к матери, обняла за плечи:

— Ну, что ты, что ты плачешь? — шептала она. — Мама, мы же обо всём договорились, и ты сама согласилась, что так будет намного лучше! Не дай бог случись что, кто тебе тут поможет? Ты же одна? А у нас тебе хорошо будет. Ну, если заскучаешь, мы тебя в любой день в Богучар свозим, к папе и Владику на могилки.

Баба Шура будто её и не слышала. Тогда дочь подошла к нам:

— Ну что, ребята, всё хорошо, нравится кукла?

Таня кивнула.

— Значит, всё устраивает?

— Лидочка, они денежку мне уже отдали, — подала голос, не оборачиваясь, баба Шура.

— Ну, раз так, — дочь перешла на шёпот. — Извините, что пришлось задержаться, бабушку выслушать, вы понимаете. Спасибо вам, хорошей дороги! Извините вот, у нас переезд.

— Конечно-конечно, мы едем, — я взял за руку Таню и вывел из дома. На пороге Таня обернулась, её взволнованные глаза бегали, и, прижав к груди куклу, она опять полезла за кошельком. Видимо, хотела сказать, что возникло недоразумение и отдать деньги дочери, но моя решимость не дала сказать ей и слова. Лишь когда мы оказались в машине, Таня вдруг разревелась, шепча:

— Ну почему?

Я завёл двигатель, пытаюсь быть твёрдым и рассудительным, но заметил, что и у самого дрожат руки:

— Выходит я что, украла её, да? Украла!

— Так, не говори глупости! Баба Шура подарила тебе её, она добрый человек. И отдала тебе эту куклу с лёгким сердцем, а ты вот плачешь.

— Я плачу, потому что мне жалко бабу Шуру.

Нет, подумал я, и Таня сердцем всё точно понимает. Милая девушка. Мы долго молчали. Я ехал, не сводя глаз с дороги. И когда показались купола какой-то церкви, сказал:

— А знаешь, что мы с тобой можем сделать для бабы Шуры?

— Что? — она уже не плакала, но была задумчива.

— Молиться за неё. Просить для неё спокойных дней, здоровья. Она сделала для тебя добро, сделай и ты. Проси об этом силы, что выше нас.

Я не знаю, почему решил сказать так, но самому от этих слов стало как-то тихо на душе. Таня поглаживала куклу. Никого другого я не захочу видеть рядом, только её, подумалось мне. Ты безгрешна, чиста, как первый снег. Я давно разуверился, что в наше время встречаются такие очаровательные люди, как ты. Как же ты похожа на белокурого ангела с этой куклой! Сколько всего плохого ты можешь встретить впереди, того, что попытается коснуться тебя грязными лапами, испортить, забрать эту небесную искорку. Может, для того и дан тебе я, чтобы уберечь от этого? Да, я, конечно, не подарок. И ты дана мне, чтобы я очистился, изменился, стал лучше, забыл всё плохое и просто начал жить по-новому.

Когда мы проехали Павловск, машину дёрнуло. Ещё на выезде из Богучара я почувал неладное, но, находясь в своих мыслях, не обратил внимания. Я подумал, что двигатель давно “прочихался”, однако он взялся за старое. Так мы проехали ещё километров тридцать, и странное поведение автомобиля заметила уже и Таня.

Впереди показалась заправка:

— Ничего, — сказал я как можно бодрее, — сейчас мы самого лучшего бензина зальём, гадость эту в баке разбавим и нормально пойдём, движок отдышится. У меня сто раз так бывало.

Таня всё равно оставалась напряжена.

Когда остановились, она опять полезла в сумочку, протянула уже измятую купюру:

— Хватит уже, так ты и хочешь с ней расстаться.

— Серёж, да мне и правда неловко очень! Заправься из этих, чтобы мне полегчало на сердце, правда, прошу тебя!

— Ну, только если так.

В кассе я заплатил из своих, купил шоколадку и вернул ей деньги. Она удивилась. Я соврал:

— Извини, у них с пяти тысяч сдачи не было.

Мы тронулись в путь, я успокоился: машина теперь вела себя смирно.

— Ну, вот видишь, а ты боялась! — пошутил я через полчаса, и на этих словах двигатель заглох прямо на ходу. Я прижался к обочине, несколько раз пытался завести. Не помогло. Перед нами по правую руку был выгнутый, точно змея, пруд. Мимо проносились машины, большегрузы, и я решил столкнуться на нейтральной скорости автомобиль вниз с насыпи, ведущей к плотине.

— Лучше тут посмотрим, — сказал я, и полез в капот, понимая, что влип — я почти ничего не понимал в устройстве машины, только самое основное. Внешне всё было в порядке. Я долго возился без всякой цели, боясь вернуться в салон и признаться Тане, что понятия не имею, как быть дальше. Нигде не искрило, не дымило, всё вроде бы в норме, одно “но” — не заводится.

Таня молчала, сидя с куклой в прежней задумчивой позе. Хорошо, что она пока не паникует. Видя мою сосредоточенность, она лишь спросила:

— Можно, я пока пройдусь?

Она бродила по берегу и казалась большой девочкой с игрушкой на фоне красно-жёлтого неба и воды.

Я думал: звонить отцу? Не стоит, хотя о нём вспомнил в первую очередь. Он, конечно, бросится на помощь сразу, ночью дотянет меня на тросе, если не разберётся в поломке. Но... нет. И тут вспомнился один дружок, Коля Редин. Конечно, кто же ещё? Он работал в МЧС спасателем и при этом был отличным механиком. Коля внимательно меня выслушал, попросил подойти к капоту, описать, что я вижу, куда-то заглянуть, пощупать.

— Ну, похоже, что вся твоя история с бензином и то, что случилось, никак не связаны, — вынес он, как доктор, вердикт. — Порвался ремень ГРМ.

— И что, как мне теперь исправить?

— Да никак.

— Спасибо, утешил, старик.

— Так ты где вообще?

— Я ехал из Богучара...

— Жаль, не из Мадрида. Вот тебя занесло на твоей колымаге. Край планеты, считай.

— Да вот. Нет, я уже много проехал, и от Воронежа стою не так, чтобы далеко. Сейчас посмотрю на навигаторе... Хотя и так помню, дорожный указатель был. Кажется, Хренищи.

— Классное название, очень подходит! — Коля смеялся.

— И не говори, тебе-то весело, не ты в каких-то Хренищах заглох, — ответил я серьёзно. — Прямо за этим указателем пруд вытянутый, на трассе, тут я и стою. Так что, выручишь?

— Извини, Серёжка, сегодня никак. Если б знал заранее, что ты в каких-то Хренищах поломаешься. Я просто уже выпил немного после смены.

— Ах ты предатель! А мне то что делать?

— Ночуй там, ночь уж близко. Удочки в багажнике есть? Развернись там и получай себе удовольствие! Я бы и сам сейчас на каком-нибудь прудке не прочь бы отдохнуть. А я утром приеду, ремень новый привезу, всё на месте и сделаем. А если не в нём дело, то дотащу тебя, — он помолчал, отхлёбывая что-то. — Так ты один там?

— С девушкой, — ответил я, глядя, как Таня собирает в букет какие-то травинки.

— Вот, ещё лучше, да тебе вообще считай, брат, подфартило!

— Ладно, Коль, раз так, ничего не поделаешь. Только прошу — приезжай как можно раньше!

— Часов в восемь меня тогда жди. Спи спокойно, а я на карте гляну, где эти твои Хренищи.

Я пошёл к Тане. Она держала куклу, букет и улыбалась. И казалась такой спокойной, безучастной, что на её вопрос: “Что?” — я ответил: “Ничего”.

Мы прошлись по берегу пруда, и я не сразу, но рассказал о нашем положении. Её лицо при этом не изменилось:

— Никак иначе, Таня, прости. Хороший друг рано-рано приедет, и мы тронемся.

— Утром так утром, — выдохнула она. — Надеюсь, ночью будет не очень холодно.

Об этом я не подумал, но ответил:

— Что-нибудь придумаем.

Порывшись в машине, я нашёл вещь, о которой давно забыл, — брезентовую плащ-палатку, а также упаковку спичек, потемневшую и твёрдую, как камень, пачку соли, а также топорик.

— Мы будем спать в палатке? — спросила Таня.

— Нет, мы разложим брезент, пока будем греться у костра, а потом ты пойдешь спать в машину и укроешься им. У меня уже был подобный случай, когда без подготовки пришлось спать на природе — плотный брезент сохраняет тепло не хуже одеяла. Я сто раз так делал.

— Да, и сто раз чинил машину тем, что заправлял хороший бензин, — сказала она без злобы, и я понял, что язык у девушки бывает весьма острым. Милый ангел, которому палец в рот лучше не класть.

— Пойдём-ка лучше в посадки, — предложил я.

— Зачем?

Я хотел ответить: “Увидишь!” — но понял, что в такой ситуации меня можно понять неправильно:

— Дров поищем и грибочков, может быть, на ужин немного соберём.

— А ты в грибочках хорошо разбираешься, Серёж?

— Конечно!

— Надеюсь, лучше, чем в работе мотора?

Я окончательно убедился, что Таня только внешне казалась тихоней. Ей, скорее всего, не нравилось наше положение, но вместо слёз, причитаний, крика она реагировала спокойно и со злой иронией. Может быть, она даже боялась меня, страшилась предстоящей ночи рядом с трассой и с человеком, которого мало знала. Ещё немного, подумалось мне, и она сможет меня обидеть.

В посадках я нашёл много подберёзовиков — недавние дожди дали урожай, и червь ещё не успел тронуть этих крепких, на высоких кремowych

пожках красавцев. Валежника тоже было столько, что можно жечь костры остаток лета и всю осень напролёт. Таня подняла сухую палку. Иногда она склонялась над каким-нибудь грибом и спрашивала о его названии.

— Вот свинушка, это зелёная сыроежка, а это — розовая, — рассказывал я, про себя гордясь тем, что познания в грибах у меня всё-таки есть. — Только они нам совсем не нужны, когда так много подберёзовиков. Это гриб благородный, его можно сразу на костре зажарить, а вот эти все лучше сначала отваривать.

И всё-таки настроение моё несколько не упало. Мы брели по посадкам, и я думал о том, что в любом случае сегодняшний день я запомню если не навсегда, то надолго. Наша память очень выборочна, а большинство дней серы и унылы. И это легко проверить. Попробуйте на Новый год, стоя с бокалом шампанского, вспомнить яркие моменты уходящего года. Вряд ли вы восстановите в памяти хотя бы два десятка из трехсот шестидесяти пяти прожитых дней. Так вот, я знал, что этот августовский денёк точно сохранится во всех подробностях.

— Ты прости меня, я, наверное, тебя обидела.

— Нет, с чего ты взяла, брось, — я не договаривал, она положила мне палец на губы и посмотрела в глаза.

— Пойдём обратно, Серёж. Ты молодец.

Эти слова стали как музыка, как высшая награда и радость. Ради них можно что угодно бросить к ногам такой девушки. Но всё, что я пока мог бросить к её ногам, — это ворох сухих веток. Я разложил брезент, и она села, поджав ноги, и стала раскладывать бутерброды. Таня не зря взяла большую спортивную сумку и набрала в неё так много припасов, будто готовилась к такому исходу. Куклу она посадила рядом на брезент, будто, как девочка, собиралась её кормить.

— Еды у меня хватит, — сказала она.

— Отлично. А как всё съедим, будем собирать дары природы, — посмеялся я. Солнце уже почти село.

— А ты знаешь, — сказала она, приподнявшись и положив голову себе на колени. Она смотрела задумчиво куда-то в сторону. Я в это время сложил “шалашик” из сучков и собирался разжечь костёр, — я, когда была маленькой, мечтала отправиться пешком на край света, дойти до Африки. Там ведь бананов много, а мне так их хотелось. Африку я представляла как страну счастья, постоянного лета. Мы тогда жили так бедно, что помню, как с сёстрами один банан на троих делили.

— Подожди, ты прямо про моё детство рассказываешь, оно как раз на девяностые годы пришлось. У меня примерно такая же история была.

— Правильно, я вспоминаю девяносто восьмой, мне тогда как раз лет пять было. Это, кажется, был “чёрный вторник” так называемый. Тогда мы потеряли все сбережения, а мой папа... повесился.

— Извини, Тань, — произнёс я, замерев. Мне хотелось её обнять.

— Прости, я не о том, — она привстала, протянула ладони к разгорающемуся костру, — я же ведь тебе про поход в Африку начала рассказывать, как мечтала. Вот и думала я, что буду идти туда, идти, в далёкую страну тепла и солнца, останавливаться у речек разных, грибки жарить, картошку печь... И постепенно по дороге будут встречаться друзья. Сначала зайка и лисёнок, потом волчонок и мишка, а потом уж пойдут обезьянки, слоники, панды... И теперь, вот здесь, мне об этом вдруг вспомнилось.

— Ты жалеешь, что поехала?

— А ты?

— Нет, Таня, отвечать вопросом на вопрос — это...

— Нет, не жалею, Серёж.

Я пожарил грибы. Таня села ближе ко мне:

— Там, дома, в Добринке, меня ничто не держит, разве что...

Она не продолжала, и я, снимая грибы и готовясь насадить свежие, ждал, не зная, о чём она будет рассказывать.

— У меня там остался друг детства, Димка. Вот с того возраста, как я в Африку хотела уйти, мы с ним примерно и дружили. Вместе на его

педальной машинке катались... Представляешь, нас всегда женихом и невестой называли, а он, даже мальчонкой, к этому спокойно относился, и любые издёвки, даже от друзей-одногудков, принимал по-мужски. И меня всегда защищал. Он для меня стал как брат, и я не знаю даже, остался ли он в нашем посёлке или уехал... Хотя о чём я говорю таком, прости...

— Нет, нет, я слушаю, — ответил я как можно равнодушнее, но знал, что Таня говорит о важном человеке, которого я невольно воспринимал как врага, как самую лишнюю и противную личность, которая могла бы возникнуть, вломиться к нам, нарушив покой и гармонию тихого вечера.

— Димочка был единственный, кому было не наплевать, что я уезжаю в Воронеж, — продолжила она. — Знаешь, он то злился, то смешно чего-то требовал, а потом падал и клялся в любви.

Я был безучастен, хотя она тихо смеялась.

— Он мне говорил, что лучше остаться, что он постарается найти мне в посёлке достойную работу, а когда понял моё настроение, даже порывался ехать со мной...

Сверчки запели. Я жарил грибы и думал, как можно аккуратно сменить тему.

— А потом он, когда понял, что я не шучу и решила уехать, знаешь, что предложил мне? Жениться.

— Представляю, чего уж там, — ответил я еле слышно, сжав зубы. Она прижалась ко мне, рассказывая эту историю. Её колени были так близко, но меня не тянуло их погладить, словно кто-то, юный и дерзкий, встал смеющейся тенью между нами. Что-то оборвалось во мне после упоминания об этом Диме, и понял я: не станет девушка, находясь рядом с человеком, которой ей интересен, вот так, в лицо поминать другого. Но, с иной стороны, а ты что хотел, разве важно ей, о чём ты мечтал всё это время? Возьми-ка лучше эти мечты в кулак и спрячь поглубже. Девочке посочувствуй. Жареными грибами угости. Выслушай. И постарайся понять.

Таня словно угадала моё смятение:

— Знаешь, я думаю, прошлое всё же не стоит тянуть за собой, оно, как тяжёлый багаж, который уже не пригодится и только мешает. И хотя там, во вчерашнем дне, много яркого и дорогого, от него лучше уйти. Я об этом много думала и приняла решение уехать в Воронеж и поступать в университет.

— Всё правильно, — ответил я и протянул Тане тёмные, немного обугленные грибы.

— А он звонит? — зачем-то спросил я.

— Кто?

— Друг твой.

— Так, изредка. А что?

— Ничего.

Совсем стемнело, стало холодно, я укрыл плечи Тани плащ-палаткой и снова сел рядом. На небе, словно веснушки, постепенно выступали звёзды. Огромное ночное небо будто улыбалось, глядя на нас.

— Я помню, говорил ли тебе, а я ведь нашёл вторую тетрадь с продолжением воспоминаний, совсем случайно.

— Вот видишь, а сам ведь не верил.

— Да, не верил. Там уже совсем другая история началась. Но я сейчас о другом подумал. Чтобы понять теорию Карла Эрдмана о Времени Весны и единстве космоса, даже не нужно вдаваться в какие-то мудрствования. Достаточно просто посмотреть на небо летней ночью, увидеть его порядок и совершенство. Поняв его, расхочется совершать дурные поступки. В космосе нет ничего лишнего, и всё в нём живо, подчинено общей цели. Звёзды — это огненные матери, а планеты — их дети. Управляет ими закон любви, и именно любовь дарит жизнь.

Таня положила мне голову на плечо и слушала:

— Космос учит нас законам любви, вниманию друг к другу, жертвенности. Когда на звезде, то есть на одном из тысяч вселенских солнц, наступает долгожданное Время Весны, она отдаёт свои силы, чтобы родить планеты. И точно так же должны жить и мы.

В кармане завибрировал телефон. Кто бы ни звонил, я готов был проклясть этого человека на всех языках. Таня поднялась, а затем скрылась в темноте. Моё лицо стало красным от злости, когда я увидел, что звонит редактор Юля. В выходной день, да ещё в половине десятого вечера! Хочешь дать задание? Сейчас услышишь, что я об этом думаю, хорошо, что Таня отошла и не узнает, как крепко я умею ругаться.

— Слушаю! — выдавил я.

— Серёжа, привет, прости, что так поздно! Ты можешь говорить? — Юля волновалась.

— Могу, что случилось?

— Серёжа, представляешь, какая беда! — она помолчала, я подумал, прервалась связь. — Алло, ты слышишь?

— Да!

— Витя Малуха погиб. Из окна выбросился, два часа назад примерно. Как он мог, почему...

“Позарез нужны две тысячи рублей, а лучше три. Срочно, кровь из носу, старик”, — в моей памяти далёким эхом прозвучали слова нашего последнего разговора с ним.

— Родители в шоке, они ничего понять не могут, я была сейчас там, видела их, — продолжала Юля. — И никто ничего объяснить не может. У него ни девушки, ни друзей ведь не было, жил скрытно. Ты в редакции с ним больше других общался, может быть, замечал какие-то странности?

— Нет, — ответил я. Мне хотелось кричать — так было горько, страшно и стыдно.

— Завтра нам нужно всем собраться в редакции, всё обсудить, — сказала Юля. — Лучше утром.

Я объяснил, почему не смогу попасть.

— Будь осторожней, береги себя, — сказала она. — Я в редакции весь день буду, наверное, хоть и воскресенье. Так что заезжай в любое время, поговорим.

— Хорошо, — ответил я и попрощался.

Таня вернулась:

— Что-то случилось?

Я еле-еле кивнул и опустил голову, сжав кулаки. Видя моё состояние, она сказала:

— Я, наверное, пойду в машину, спать хочется.

— Конечно, иди, — я свернул плащ-палатку и протянул ей. Таня ушла, включила свет в салоне, и я видел, как она, укутываясь в брезент, взяла куклу. Я лёг у костра прямо на траву, смотрел на огонь и не мог сдерживать слёз.

— Негодяй, — хрипел я. — Какой же я всё-таки... А ещё девчонке вот заливал про космос и взаимопомощь, жертвенность, а сам поступил с человеком, как последний гад.

Не сразу, но я впал в затаянный липкий сон, мелькали какие-то дороги, тропинки, лица, куклы и иной бред. Позже я увидел Витю, из его ушей сочилась кровь, и он стонал, корчась в неестественной позе на асфальте. Потом я увидел его живым, он будто подошёл к костру с другой стороны и стал дуть на огонь. Я смотрел на него, тяжело дыша, и даже во сне хотел показаться спящим — всё от стыда перед ним. Витя подложил дров, потом отвернулся, и на фоне синевы пруда и блеска луны он расправил бирюзовые, усыпанные звёздами крылья. Малуха повернул ко мне голову, слегка улыбнулся и подмигнул. Он улетел в вечность, так ничего и не сказав.

Я очнулся на заре, ёжась от холода. Ныло всё тело, особенно болела голова. Костёр давно прогорел, над прудом поднялась дымка. Вода будто закипала, как в большом котле. Я подошёл к машине — окна покрылись плотной белой плёнкой, и я подумал, холодно ли было спать Тане, не заболит ли? Про себя не хотел и думать, я заслужил за свою чёрствость и лицемерие надолго слечь в постель. Подбросив дров, я стал смотреть, как медленно восходит солнце, и ждать друга.

Коля не задержался — его большой чёрный “универсал”, похожий на похоронную машину, свернул с дороги и спустился к моей машине. Таня ещё

не проснулась. Редин, как всегда, был слегка небрит и весел. Поздоровавшись, он сразу стал хохмить про меня и поломку, по-разному склоняя Хрепнищи. Больше всего, похоже, он хотел увидеть мою “спящую красавицу”. Я не мог разделить его радости, голова стала болеть ещё сильнее, но я искренне был благодарен ему — Коля не подвёл, и это стало самой хорошей новостью начинающегося дня.

Я деликатно разбудил Таню, постучав в окно. Она напоминала памятного медвежонка, и в другой ситуации я бы посмеялся, сказав ей что-нибудь весёлое. Девушка, положив куклу на скомканный брезент, поздоровалась с Колей, не глядя на него, и пошла к реке умыться.

Мой друг оказался прав — даже на расстоянии он поставил верный “диагноз”, так что за какие-то полчаса, поставив машину на домкрат, он доказал своё право называться королём автомобилей. Завершив дело, он улыбнулся, сказав:

— Пробуй, заводи!

Его щетина стала слегка чёрной. Я подумал, что он и не чинит даже — машины просто от его прикосновения становятся послушными и соглашаются работать.

— Теперь можешь ехать со своей красавицей куда угодно, хоть в Африку, — он вытирал руки. — А она и правда так, ничего себе.

Коля уехал раньше нас. Я обещал заехать к нему на днях и отблагодарить, он махнул рукой. Мы ещё долго собирались, точнее, я просто сидел на сырой от росы траве, скрестив ноги, и смотрел на пруд. Понимал, что надо ехать, но боялся с такими тяжёлыми мыслями садиться за руль. Таня не подходила ко мне, тоже грустила о чём-то в машине, будто понимая и разделяя мои мысли.

— Не обращай внимания, Таня, просто у меня кое-что случилось... нехорошее, — сказал я, садясь за руль.

— Не стоит объяснять, Серёж, — ответила она.

Дорогой мы молчали, когда вдаль показался Воронеж, оба вздохнули легко, будто поняли, что, наконец, возвращаемся из долгого и опасного плавания. Весь путь перед глазами стоял образ Вити, вспоминались какие-то наши давние разговоры, которым я раньше не придавал значения. Если бы я был внимательнее к нему, то давно бы заметил нависшую опасность. Боже, всё, что он говорил и делал в последнее время, было красным сигналом, что Витю надо спасать. Будь я добрее и лучше, оказался бы с ним в нужную минуту. Но я не то что не смог спасти его душу, а даже без угрозыней совести отказался дать взаймы. Наверное, моё лицо было грубым, страшным, поэтому Таня даже не смотрела на меня. Но когда мы добрались до “Машмета” и вырулили к её дому, я ощутил её губы рядом, почувствовал дыхание. Она поцеловала меня в щёку:

— Серёж, спасибо тебе большое! Пожалуйста, не грусти, я верю, что всё будет хорошо. Ты очень хороший человек, и ты помог мне по-настоящему! Пожалуйста, не переживай, мне больно видеть твою грусть. Я всегда готова тебе помочь.

Я поцеловал Танину ладонь, и на душе стало легче. Если бы не гибель Вити, я бы сиял от её слов.

— Спасибо, Таня, поверь, ты мне и так очень помогла!

— Так я пойду? — спросила она, будто я не отпускал её.

— Конечно. Скоро увидимся!

— Да! — она прижала к груди куклу и выбежала. Я почти тронулся, когда она взмахнула рукой. Может, хочет ещё что-то особенное мне сказать?

— Прости, сумку с термосом забыла.

Я грустно кивнул.

От Тани я поехал в банк, полностью обналечил карточку, затем поспешил в редакцию. Там собрались почти все. Я поздоровался, никто не ответил. Все слушали Юлю:

— Витю хоронить будут завтра, на левобережном кладбище. В закрытом гробу. Страшно разбился, страшно. Я сама не видела, но...

Я, словно тень, подошёл к Юле, отдал ей деньги:

— Сможешь родным передать?

— Конечно, я к ним скоро поеду. Но тут так мно...

Я ответил:

— Прости, я уже поеду, всю ночь не спал. И на похороны не попаду, пойми, не выдержу я всего этого.

Юля кивнула, остальные молчали.

Я подошёл к Витиному столу. Всё так же стоял компьютер, большая гильза времён войны с карандашами, статуэтка Будды, грамота от губернатора. Монитор зачем-то закрыли платком, поставили рядом свечу, портрет Малухи в чёрной рамке. Он улыбался, глядя на меня, и я отвернулся.

“Вот так вот, старичок”, — будто говорил он.

Я снова остался один, и это одиночество напирало со всех сторон. Мне стали понятны до холода в груди мотивы, руководившие Витей в ту роковую минуту. Вся боль, тяжесть и уныние его легли на меня и давили мне на плечи.

На даче я попытался уснуть, но не получалось. Читать воспоминания Звягинцева тоже не хотелось — там были нелёгкие страницы о психиатрической лечебнице. От них можно и самому тронуться, и главное, никто сразу ничего не заметит. Но всё же я взял тетрадь подмышку, вышел к водохранилищу, и, отцепив лодку, выгреб подальше. Сидя между двух берегов, стал читать, а в печальном небе то едва загоралось, то пряталось за тучи солнце августа.

9

Я вздохнул, отвлекшись от тетради. Лодка с опущенными, а точнее — попросту брошенными веслами, без груза отнесла меня далеко, я даже не узнавал мест. Было в этом что-то новое, необычное. Я был совершенно один среди лёгких ветров и свежего дыхания воды. Никаких удочек, никаких целей — только я и огромное пространство воды.

Решил лечь на дно лодки, сложив руки за головой, и просто смотрел на небо. Мне нравилось, что плыву без цели и ориентиров. Я понимал, что теперь мне не нужно никуда спешить. Смотрел и смотрел в синеву, слушал удары волн, меня качало тихо и хорошо, словно я укрылся в колыбели. И тут я поднялся и увидел, что Витя Малуха идёт ко мне по воде. Тихо перешагивая по волнам, он прикладывал руку к глазам, пытаясь среди влажных брызг и стопа воды различить, где же затерялась моя лодка. Я застыл, глядя на него и надеясь, что он пройдёт мимо. Он звал меня. Начинаясь сильный дождь, и под его шум Малуха сумел найти путь и пошёл точно на меня. Я поджал ноги, когда он переступил борт и сел у кормы. Грустно смотрел, скрестив руки на груди.

— Витя, прости меня за всё, ведь я же ничего не знал, не думал, что так может всё обернуться.

Он ничего не ответил, а пересел ближе, взялся за весла. Я смотрел, как красиво играют мышцы его рук. Мы набирали скорость так стремительно, что казалось, лодка вот-вот поднимется и, сделав в небе несколько кругов над дождливым Воронежем, унесётся далеко к звёздам.

— Прости, — снова сказал я.

— Да брось ты, — ответил он. — Я звонил тогда, потому что выпить нужно было на что-то. И правильно ты сделал, что ничего мне не дал. Забудь. Знаешь, как сильно меня к стакану тянуло! А теперь вот совсем нет. Я свободен, совсем свободен.

Он поднял руки, которые опять стали крыльями, усыпанными блестящими звёздами. Они были красивы, но так огромны, что я невольно сжался и задрожал. Не знаю — почему, но сказал:

— Витя, а я вот плыл без всякой цели и думал до того, как ты пришёл, что и я тоже свободен.

Он засмеялся, подставил ладони под дождь. Вода быстро набиралась, и он пил её с рук. Потом отдышался, вздохнул и сказал:

— Серёжа, так храни всегда в сердце это внутреннее ощущение свободы. И не убивайся так ни по поводу моей смерти, ни вообще. Вот видишь,

как мне хорошо теперь стало. Но пойми правильно — за эту черту, которую я перешёл, ты не спеши, не всё так просто. Мне за прыжок предстоит заплатить по полной, и недолго мне дали, чтобы побродить ещё здесь, повидаться с людьми. Сейчас я свободен, по-настоящему, как никогда, но скоро я отправлюсь в тёмные дали, где долго буду одинок. А виной тому мой поступок. Так что ты не спеши. Если бы я не спешил, как дурак, то был бы свободен вечно. Разве что... спеши любить.

Он помолчал, любуясь своими крыльями.

— Конечно, жизнь — это постоянная неудача, проигрыш, потеря. Я это понял, а сделал неправильный выбор. А ты пойми и поступи по-другому. В мире живых всё обратно и всё исправимо, это главное. Знаешь, как я вчера вечером после падения, видя себя со стороны на асфальте, обратно просился? А всё, дело сделано, ничего не изменишь. На меня только строго смотрели неизвестные существа с крыльями, как у меня, и молчали. Потом вот гулять отпустили, объяснив, что будет дальше. Ты живи, братец, живи себе, и ни о чём не печалься понапрасну. Видимся мы с тобой в последний раз, старичок. Даже после того, как ты завершишь свой путь здесь, мы вряд ли снова сможем говорить. Цени жизнь, цени тех, кто рядом. И главное — скажу ещё раз — спеши любить. Мне пора. Прощай, Серёжа!

Он взлетел в небо, расправив крылья.

Я открыл глаза — дождь равномерно бил мне по лицу, словно постукивал пальцами. Раздался сильный гудок. Я резко поднялся, схватившись за весла. Неведомая сила вовремя вывела меня из сна — рядом проплывал огромный катер, и, если бы я не проснулся, мы бы столкнулись, что стало бы для меня почти равносильным тяжёлой аварии на дороге. По крайней мере, я бы точно не выжил и улетел бы следом за Малухой, если бы в том мире мне это позволили.

Вот же угораздило меня, думал я, налегая на вёсла и пытаюсь узнать места, куда меня вынесло, чтобы добраться до дачи. Короткий сон, несмотря на его яркие краски и переживания, вернул мне силы. Я чувствовал себя маленькой точкой в океане. Казалось бы, вот оно — одиночество. Но с обеих сторон был город, в котором проживал миллион человек, и получалось так, что я находился в самом ядре этого мира. Да и что нужно для того, чтобы прогнать чувство одиночества? Просто... достать телефон и набрать номер.

Нащупал в кармане мобильный. Ждал с улыбкой, когда же услышу голос Тани, глядя на песчаную косу пляжа далёкого левого берега.

— Да, привет, — сказала она заспанным голосом. Ну, конечно же, она отдыхала после поездки, как я не подумал об этом! — Нет-нет, всё в порядке. Я и сама хотела тебе позвонить, чтобы ещё раз сказать за всё спасибо! Мы вот спим вдвоём с Галей.

Я ступешался, не понимая, о ком идёт речь, а потом вспомнил, что у куклы есть имя.

— Завтра же, наверное, займусь ею, буду шить-кроить, — сказала она.

— Таня, знаешь, а ведь я позвонил сказать тебе... — я замолчал.

Вот сейчас я должен произнести что-то особенное, раз уж начал. И я, закрыв глаза, улыбнулся. Но, понимая, что такие вещи не произносятся по телефону, и она наверняка меня не поймёт, прошептал:

— Давай встретимся как можно скорее, это ведь возможно? Ты и сама сказала, помню...

— Серёж, конечно, только не в ближайшие дни, хорошо? — перебила она. — У меня вот-вот начнутся экзамены, поэтому я буду только готовиться.

— Хорошо, договорились. Но как только все твои экзамены завершатся, ты мне обещаешь встречу?

— Да.

— Вот и отлично. Удачи тебе, Танюша.

— И тебе.

Я услышал гудки и вздохнул. Странно как-то всё и глупо устроено.

На работу я решил взять тетрадь Звягинцева. В ней осталось не так много страниц, так что финал истории близок. Сегодня Юля, скорее всего, не будет ходить за нашими спинами, суетиться и требовать новых материалов. А значит, у меня появится время. Мне хотелось побыстрее дочитать историю и сразу же позвонить внуку Звягинцева Михаилу, чтобы передать тетради. Я и так слишком затянул с этим, да и от моего небрежного отношения записи сильно потрепались. С другой стороны, благодаря мне эти воспоминания сохранились, и я собрал обе тетради вместе. Теперь, как только дойду до конца, я с чистой совестью передам эти сокровища настоящему их наследнику. Пусть тоже читает, вдумывается. Может быть, он многое поймёт и станет по-иному ценить жизнь, близких людей.

В редакции всё было именно так, как я и предполагал. Все были молчаливы, никто не шутил. Самая молоденькая наша сотрудница Саша старалась что-то написать, но всё время всхлипывала. И я подумал, что слёзы вызваны не сожалением о человеке, а испугом от неожиданности его кончины. Сашу поразило то, что Малуха исчез внезапно, осознание, что и с ней может произойти подобное, устрасало её. Если бы Витя уволился, скатился бы на дно и там тихо и незаметно ушёл из жизни в угаре, не было бы слёз вообще.

Грустная Юля, плачущая Саша, девушки... Да, теперь я осознал, что с уходом Вити остался единственным мужчиной в редакции. И я понимал, что время бьёт в глаза своей правдой, что все мы просто стоим на очереди у смерти, одни уйдут рано и внезапно, другие позже. Впрочем, я скомкал эти мысли и выбросил, как ненужную грязную бумажку. Не стоит об этом вообще думать.

Жаль, что урок с уходом Вити Малухи ничему не научит, в том числе и меня. Честно, я вообще не замечал, чтобы у людей происходил серьёзный сдвиг в характере, поведении под влиянием чего бы то ни было. Людей трудно менять. Глупцы не умнеют, негодяи не добреют. Это только в книгах люди преображаются, враньё всё. Девочки поплачут, успокоятся, обо всём забудут. И я — тоже. И Юля очень скоро перестанет быть тихой и грустной, а станет обычной крикливой стервой. Ну и что ж...

Ближе к полудню, когда я совсем убедился, что в редакции понедельник пройдёт тихо, я отыскал страничку Тани в социальных сетях. Написал ей, спросив, как дела, но она не отвечала. Я подготовил несколько новостных заметок и, вновь заглянув на её страницу, не увидел ответа. Наверное, на самом деле плотно готовится к экзаменам. Или кукле платье шьёт. Мысленно пожелав ей удачи, я достал из сумки тетрадь и стал читать.

11

Прошло ещё несколько дней, и я, наконец, получил ответ от Тани.

“Привет. У меня всё хорошо. Экзамены уже сдала, теперь остаётся ждать — зачислят или нет. Как ты?”

“Конечно зачислят, ты так готовилась и старалась! Теперь-то у нас получится встретиться?” — написал я.

Наступила пауза. Таня не отвечала, хотя я видел, что она “онлайн”. Может, отвлеклась на что-то или решает, как ответить. Если задумалась, хорошего вряд ли стоит ждать.

“Извини, в ближайшие дни не смогу. Буду занята”.

Ну что ж, к этому и добавить нечего, решил я. И написал:

“Предложение о встрече в силе. Готов, если надо, помочь в делах, побыть ещё раз твоим шофёром. Обещаю без поломок”.

“Хорошо”, — ответила она и прислала милую картинку с улыбкой.

Позвонила мама. Она спросила, сильно ли я занят, смогу ли отвезти её в гипермаркет за город. Я, конечно, не отказал, но просьба насторожила. Что-то не так: мама никогда о подобном не просила, всегда с отцом они ездили по выходным за покупками вместе. Уже в магазине, когда подходили к длинному ряду тележек, я почему-то в эту минуту, не думая, выпалил:

— Мам, а что с отцом?

Она на миг оступилась и открыла рот, будто бы я спросил её о чём-то неожиданном и неприятном, вроде того, а не забыла ли она кошелек дома, или не остался ли включённым утюг? Её глаза бегали, словно мама пыталась вспомнить о чём-то и не могла. Но, придя в себя, сказала:

— Так, Серёж, давай об этом не сейчас поговорим, хорошо?

Я кивнул. Ситуация мне не нравилась, и это было лучшее, что я мог сделать.

Я подумал, а не купить ли мне лёгкую куртку на осень, и уже идя к рядам с мужской одеждой, я увидел со спины Таню. Она шла с такой же, как у меня, пустой тележкой, моё сердце забилось при виде её узких плеч и волос. Я всегда не любил подобные встречи со знакомыми в магазинах, они мне казались нелепыми, так что и сказать нечего — глупо спрашивать про жизнь и дела, заглядывая ненароком, что набрал в тележку знакомый. Но Таня! Это была удача! Если придётся, даже здесь, в мире торговли и скидок, объясню ей то, что есть на сердце, раз не сумел сделать это на фоне берёз, костра и тихого пруда. Ну и, раз я серьёзный парень, то и с мамой познакомлю, вместе доедем домой, чаю попьём. Отец тоже будет, представлял я, и окажется, что я глупостей придумал много, и с ним всё хорошо. И папа, и мама ей понравятся, и она им тоже. А дальше — уж что там говорить...

Подбежав, я положил руку на плечо, слегка сжав, улыбался, словно поймал её, как рыбку, наконец. Белые волосы взметнулись нервно, и я увидел чужое и недоброе лицо незнакомки. Накрашенные губы скривились вниз, как подкова, раздался визг, люди от нас отшатнулись. Извинившись, я потупил взор, услышал о себе и моём грубом жесте несколько слов, перемешанных с матом. Мурашки пробежали по коже, никогда грубые слова, произнесённые девичьим голосом, пусть даже и таким хрипловато-прокурренным, так не задевали меня. Я склонился над тележкой, повис, так что передние колеса слегка приподнялись. Боялся, что меня затрясёт и, чёрт возьми, я завою от злости и досады, но был рад, что никому из тех, что пробегает мимо меня с такими же тележками, ни до моего состояния, ни, тем более, чувств не было дела.

Я снова набрал Таню. Неживой и холодный, хотя и знакомый по предыдущим таким ситуациям женский голос отчеканил: “Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети”. Мысли, как тяжёлые камни, стучали в голове, словно на меня обрушилась лавина, и только появившие мамы, её задумчивое спокойствие привели меня в чувство:

— Так тебе ничего разве не надо? — спросила она.

— Здесь — совсем ничего, — ответил я.

На кассе я, хоть и думал о своём, всё же увидел, что купила мама. Помимо бытовых продуктов, там хватало каких-то пакетиков, баночек, витамин. И хотя я её впервые сопровождал в торговый центр, всё равно был уверен, что ничего подобного раньше она не покупала, и это, конечно, связано с отцом.

После оплаты я подхватил сумки, и мы пошли к машине. Мама шла рядом и рассматривала длинный, спускающийся к её широкому ремню на летнем платье чек. То ли искала подвох и проверяла, то ли старалась показать, что сейчас ей не до разговора со мной. А я шёл, и почему-то навязчивая мысль не отпускала меня, и я думал, что вот-вот рядом с дурацкой машиной, где торгуют варёной кукурузой, или у прозрачного входа в бутик окажется Таня. Настоящая. Спокойная, задумчивая, и она улыбнётся, заметив меня. Но ни в этом грубом мире торговли, ни в бесконечно доступном для всех, как считается, виртуальном пространстве интернета нельзя было найти теперь точки для нашей встречи.

И снова дятел забил в виске, сообщая, что сентябрь наступит то ли через день, то ли через два-три, и, если я не совсем отстал от жизни, то Танины экзамены давным-давно сданы, и то, что она недоступна, что-то да значит...

Я положил мамины сумки в багажник, и мы ехали до дома молча. Маме было что сказать, но я теперь почему-то и не смел спрашивать. У подъезда

я сказал маме, что помогу поднять сумки, а она вдруг ступешевалась, ответив, что не надо, вполне может справиться и сама, и я могу уже ехать...

— Отец, наверное, спит-отдыхает сейчас, и я бы хотела тихонько войти, его не разбудить, — нашла она последний аргумент.

— Ну что ж, войдём тихо вдвоём, — ответил тут же я.

Железная дверь, что поёт мелодией домофона, открылась и захлопнулась.

— Что с ним? — вновь спросил я, сжимая тянущие ручки сумок, когда мы стояли лицом к лицу в лифте.

— Серёж... Он прошёл обследование. У него опухоль мозга, — на этих словах железные дверцы со скрипом разошлись, и я увидел папу, его улыбку. Он встречал нас радостно в коридоре, но мне стало так плохо, что я пошатнулся.

Разувшись, я прошёл в зал и рухнул на диван:

— Что с тобой? — спросил отец.

— Ты мне лучше ответь, что с тобой, пап.

— Ты рассказала? — он обернулся к матери.

— А что, не надо было, что ли? — резко вставил я. — Неужели ты думал, что от меня стоит такое скрывать?!

Ему нечего было ответить.

Мама бросила сумки в прихожей, и мы теперь сидели на диване. Я подумал, что вот так, втроём, плечом к плечу, мы не были давно.

— Что врачи говорят? — спросил я.

— Нужна операция, — отвечала мама, отец лишь потушил взор и вздыхал тяжело.

— Когда будут проводить? Есть хоть какая-то конкретика?

— Есть, — сказал отец, и ушёл на кухню.

— Сынок, беда, — зашептала мама, — на операцию деньги нужны, большие. Там всё серьёзно, у нас в наших клиниках такие не проводят, нужно ехать за рубеж.

— И сколько? — спросил я.

Мама назвала сумму, добавив:

— Не знаю, наверное, квартиру продадим, что нам ещё остаётся.

Я промолчал, не зная, как всё это уложить в голове — новость упала на меня, прижав тяжёлым чёрным комком.

— Почему же вы мне не сказали сразу? — спросил я, пытаясь заглянуть матери в глаза, но она не смотрела на меня. — Неужели тогда, в тот день, когда я ушёл из дома и стал жить отдельно, мы... стали настолько чужими, что вы решили от меня скрыть!

Я вскочил.

— Сынок! — крикнула мать, но я махнул рукой и пошёл на кухню. Отец стоял спиной, у него тряслись руки, и он безуспешно пытался зажечь огонь под чайником.

— Серёж, не надо! — сказал он. — Не говори больше ничего. И так видишь, нам тяжело.

И вновь я смотрел на спину отца, как тогда, в лодке, и все мысли, чувства, что были тогда, вернулись ко мне. И я... просто обнял его. Мы долго стояли, ничего не говоря, папа старался, чтобы я не заметил его слёз.

— Садись, — наконец сказал я, — давай помогу с чайником.

Наступил вечер, больше к теме болезни и операции мы не возвращались, будто её и не было.

— Наверное, я у вас сегодня останусь ночевать, — сказал я, и папа с мамой обрадовались.

Мне разложили диван в зале, и мы лежали с отцом, смотрели программы по кабельному каналу о рыбалке:

— А хорошо мы с тобой тогда порыбачили-то, на лодке, — сказал он.

— Да, — ответил я. — И ещё порыбачим.

Мне почему-то представилось, что мы сидим в лодке втроём — я с папой и дядей Геней. Молча держим удочки, а над дымкой поднимается рассвет, становится видным город, купола. И невольно сжались кулаки — неужели

возможно такое, что и папа отправиться скоро в тот, иной мир, где нет суеты, вранья и предательства... Дядя Гена ведь давно уже там, сидит, спокойно глядя на водную гладь. Но нам с тобой, папа, туда ещё рано.

И я рассказал отцу всё-всё про Таню. Сейчас, как никогда, мне нужен был его совет:

— В жизни, сынок, главное, не упустить шанс. Знаешь, как легко его упустить, — после долгой паузы сказал он. — Раз встретил девушку, так... спешి её любить, иначе будет просто поздно. В общем, не будь тюфяком. Когда я встретил твою маму, я ухаживал за ней, но был момент, когда между нами оказался третий, и тогда я понял, что могу её потерять. Тогда я просто рассказал ей о том, что чувствую, как она мне дорога. И она обняла, поцеловала, сказав, что я придумал много глупостей насчёт того, третьего, и что ей дорог и нужен только я. Вот, — он помолчал. — А если бы я затянул тот разговор, признание, кто знает, как бы оно всё обернулось. Так что решай, как теперь быть. Зачем тянуть, ходить из стороны в сторону, если сам для себя, внутри, уже решил, что этот человек нужен тебе и дорог. И если эта Таня — твоя судьба, так действуй.

— Боюсь, поздно, я её потерял совсем.

— Никогда не поздно, если любишь.

И я уснул, размышляя над его словами.

Утром я встал засветло, попрощался с родителями:

— Куда это ты, неужели так рано на работу ходишь?

— Да нет, хочу на дачу ещё заехать.

— Ох, и любишь ты эту свою дачу, прям сердцем к ней прикипел, — посмеялся отец.

— Да, люблю, — ответил я с грустью. — Ты держись, маму береги. Всё будет хорошо.

— Конечно. И ты не волнуйся. Мы за тебя очень переживаем.

Они проводили меня, стоя у лифта.

Когда я подъехал к берегу, разгорался тихий рассвет. Вот он, холодок, первенец сентября. И солнце светит уже по-другому, не так, как летом. Краски его даже утром — тёмно-бордовые, печальные, словно прощальный огонь. Я обошёл свой домик и сделал несколько фотографий на телефон с разных сторон. Получилось здорово. Нужно будет потом распечатать эти снимки.

На память.

Объявление о срочной продаже дачи я разместил на сайте всего за пару минут. Цену я поставил ниже, чем купил — понимал, что желающих приобрести дачный дом не в сезон намного меньше, а мне нужно спешить. Да, спешить во всё. До начала рабочего дня было ещё несколько часов, и, включив торшер, свет которого мне тоже показался родным и немного печальным, я взял тетрадь, чтобы дочитать воспоминания Звягинцева до конца.

В Орловской психиатрической больнице Николай Звягинцев пробыл до конца июня сорок второго года. Майор Пряхин, находясь на фронте, направил письмо в больницу с внезапным распоряжением прекратить лечение Звягинцева. Николай начинает понимать, что Пряхин — не такой уж плохой человек, он действовал, исходя из ситуации, и по сути спас его от лагерей. Николай идёт из больницы напрямик в городской комитет обороны, где формируется ополчение. Человек в форме НКВД, видя письмо от Пряхина, рвёт справку Николая из психиатрической лечебницы, и говорит, чтобы он забыл о своём пребывании там. Немцы уже на подходе к Воронежу. Звягинцев участвует в диверсионной группе народного ополчения и в боях за Чижовский плацдарм получает серьёзное ранение. После долгого лечения в госпитале он узнает, что немцы убили всех пациентов и врачей в Орловке...

“В первой тетради я написал, как выходил утром на крылечко и видел людей — всех тех, о ком шла речь, — прочёл я. — Они стояли в дымке над водой и звали меня, махали руками. Да, мне уже скоро к ним. Я остался ведь совсем один. Один... и на дачах вот тоже никого нет. Только я, да мой старенький баян тешит душу. Вот поставлю последнюю точку, сыграю себе

что-нибудь, может, развеется хоть немного тоска. Я хочу, Миша, чтобы ты вырос хорошим человеком. Может быть, мои тетради объяснят тебе, что главное в жизни. Надо беречь людей, любить их. Только потеряв, ты начинаешь понимать, как они дороги. Я молюсь за тебя, родной. Молюсь, как умею”.

Выйдя на крыльцо, я дышал сентябрьским воздухом. Было почти девять, а я не выехал на работу. Зазвонил телефон, я вернулся в дом:

— Здравствуйте, это по объявлению, — услышал голос.

“Надо же, как быстро! — подумал я. — Разместил ведь в семь утра, и вот”.

— Поймите только, я продаю срочно, — сказал я.

— Да, мы можем приехать посмотреть дачу в любое время, хоть сейчас. Мы давно с мужем мечтали о таком домике, но варианта всё не могли найти подходящего. А тут заглянули, и надо же!

— Тогда приезжайте хоть сейчас.

— А можно?

— Конечно, жду вас, — и я объяснил путь ко мне.

Я позвонил Юле, попросив о выходном.

— У тебя всё в порядке? — спросила она.

— Да, просто есть несколько дел неотложных.

— Конечно, Серёж, занимайся. Если что надо — звони.

Вот же, подумал я. Юля... зря всё-таки и Витя Малуха, да и я, к тебе относились так предвзято. Нормальная ты девчонка.

Мне предстояло сделать главный звонок — Михаилу Звягинцеву. Конечно, утро понедельника не лучшее время, но позже уже нельзя. Я слушал долгие гудки, сердце отчего-то забилося сильнее.

— Михаил, здравствуйте! Это Сергей, я покупал у вас дачу весной, помните? Нет, всё в порядке, я по другому поводу. Представляете, я нашёл тетради вашего дедушки Николая, в них он рассказывает о прошлом, — я начал было углубляться, но тот перебил:

— Сергей, извините меня, мне некогда.

— Я понимаю. Давайте я привезу вам эти тетради, куда скажете. Мне нетрудно.

— Спасибо, не стоит, — ответил он.

— Нет, поймите, — я говорил взволнованно, не понимая его настроения, — эти воспоминания адресованы вам лично, дедушка всё время обращается к вам, простите, что я невольно всё это прочитал, но...

— Сергей, повторяю ещё раз: мне действительно некогда. Если тетради интересные, оставьте у себя или отдайте куда-нибудь в музей боевой славы.

— Как?

— Всё, извините, я за рулём, — послышались короткие гудки.

Я долго стоял и не мог понять — неужели всё так нелепо...

Вот две тетради, измятые, пухлые. Что же мне с вами делать? Первая мысль была — набрать их и отнести в редакцию какого-нибудь журнала, в “Подъём”, например, но... Имею ли я право публиковать эту исповедь, ведь она написана только для одного человека. Которому нет до неё дела.

“Я верю, Мишенька, что ты прочтёшь, и наша семейная нить не прервётся”...

Взяв тетради, я положил их на полку. Вы останетесь здесь, в этом домике, где и были, решил я. Ведь я не имел права читать вас, так пусть будет так, словно я вас и не видел. Меня... меня вы изменили и сильно помогли. Но я ничего, совсем ничего не могу изменить. И помочь вам. Простите. Я обращался к воспоминаниям Звягинцева, как к живому существу, которому сострадал.

Приехала семейная пара, дружелюбные хорошие люди. Много вопросов не задавали. Мужчина радовался, а хозяйка уже примерялась:

— Теперь понимаешь, что я была права!

— Что?

— Да насчёт трюмо, что выбрасывать его не надо. Здесь вот поставим. Какое счастье, что мы увидели ваше объявление, — обратилась она ко мне. — Кто рано встаёт, тому бог подает! Просто какое-то знамение, что ли.

Я кивнул. Мы договорились, что в ближайшие дни займёмся оформлением бумаг.

Когда они уехали, я поднялся на второй этаж. Слева был шкаф, в который я ни разу не заглядывал, а теперь почему-то решил... Открыв его, увидел большой чёрный футляр, весь в пыли. Поставив его на кровать, щёлкнул медными замками. Белые клавиши баяна сверкнули от лучей, падающих через окно.

— Вот тебя я и заберу, на память, — сказал я. — И научусь играть, чтобы... не было одиноко.

Я положил футляр в багажник, укрыв плащ-палаткой, на которой так недавно сидела Таня. Завёл автомобиль и поехал на левый берег, в тот самый дом, где снимала комнату она. Звонить было бесполезно. Поднявшись, постучал. Никто не открывал. Может, эта старушка ушла по делам или вообще съехала? Но замок скрипнул, и сердце моё забилося:

— Здравствуйте, простите, — сказал я. — У вас девушка комнату снимала, Таней звали. Не подскажете, где она?

Старуха недоверчиво посмотрела на меня:

— Плохая эта ваша девушка Таня, — ответила она. — За последний месяц так и не заплатила, всё охала, что денег нет, и позже вышлет.

— Так где же она, скажите? Что с ней?

— Да ничего с ней. Умотала домой в свою эту Добринку. Экзамены провалила, плакала. Ещё говорила, с Димой её каким-то проблемы. Да так и убралась с концами. До свидания, молодой человек, — и она захлопнула дверь, не дожидаясь моих реплик.

Я вышел к машине. Старушки смотрели на меня с интересом, я прошёл мимо лавочек. Зазвонил телефон. Высветился номер Николая Белкина — того самого путешественника, который рассказывал о поездке в Магадан на встрече, где мы были с Таней.

— Сергей, я вернулся, и звоню, как обещал. Право первого интервью за тобой, готов встретиться и всё рассказать. Отличный материал дам.

— Николай Сергеевич, не смогу никак.

— Что-то случилось?

— Да вот, — не знаю почему, я решил сказать, как есть. — У моего папы опухоль обнаружили, требуется операция. Сейчас продажей дачи занимаюсь, ещё деньги нужны.

— Тем более приезжай завтра, обсудим.

— А что, есть какие-то варианты помочь?

— Да мир не без добрых людей, подумаем. Если беда приходит, надо её вместе решать.

— Спасибо вам, — ответил я.

— Не переживай. Всё будет хорошо. Но про Магадан всё равно право первого интервью за тобой.

— Буду завтра у вас!

— Любо!

Я набрал маме и сказал, чтобы она ни в коем случае пока не продавала квартиру.

— Но как же? — спросила она взволнованно.

— Решим, — ответил я.

Сентябрьский день был тихим, солнечным. Я завёл мотор и нашёл навигатор в телефоне. Вспомнил, как с его помощью искали адрес в Богучаре. Надеюсь, сегодня он мудрить не будет. Нет, вот она, эта Добринка, каких-то полтора часа пути, всё понятно. Главное, до самого посёлка добраться.

“Когда я встретил твою маму, я ухаживал за ней, но был момент, когда между нами оказался третий, и тогда я понял, что могу её потерять, — вспомнились недавние слова отца. — Тогда я просто рассказал ей о том, что

чувствую, как она мне дорога. И она обняла, поцеловала, сказав, что я придумал много глупостей насчёт того, третьего, и что ей дорог и нужен только я”.

Еду в Добринку, решил я. А там уж, как говорят, язык до Киева доведёт, наверняка люди знают, где живёт Танечка Лукьянова. Разущу, всё-всё, что думаю, чувствую, как есть — расскажу и отдам. А там будь что будет.

На сердце стало легко и спокойно. Я представлял, как она приглашает меня в свою комнату, а там — много-много кукол, а Галя, за которой мы ездили в Богучар, сидит и блестит стеклянными глазками на самом лучшем месте, у окна...

Воронеж — большой, сильный, мой город-победитель, который я по-новому и крепко полюбил, остался позади. Навигатор отсчитывал километры, сообщая, насколько ближе я к цели. По обе стороны дороги белели, как невесты в золотом наряде, берёзы, и жёлтый лист упал на лобовое стекло.

Я улыбался, представляя, что сегодня, именно сегодня я наверстаю то, что упустил. Да, нужно спешить любить. И я успею.